

Вадим Зиновьевич
Огородников

**Киев — Бердичев.
Сахалин —
Хабаровск**

Рассказы старого
офицера. Бытие. Книга 3

Вадим Огородников

**Киев – Бердичев. Сахалин –
Хабаровск. Рассказы старого
офицера. Бытие. Книга 3**

«Издательские решения»

Огородников В. З.

Киев – Бердичев. Сахалин – Хабаровск. Рассказы старого офицера.
Бытие. Книга 3 / В. З. Огородников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960659-4

Это рассказы старого офицера, прошедшего службу в Советских вооруженных силах и получившего военную и жизненную практику от Украины до Дальнего Востока. Все описываемые события — правда без вымысла и прикрас. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960659-4

© Огородников В. З.
© Издательские решения

Содержание

Курсант	6
Друзья	16
Бердичев	25
Начальники	27
Панков, Бордюжа и другие	34
Институт	36
Николай и Астра	42
Босяк	49
Строевая	53
Насильники	61
Марченко и Хмызов	65
Эдуард	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Киев – Бердичев. Сахалин – Хабаровск Рассказы старого офицера. Бытие. Книга 3

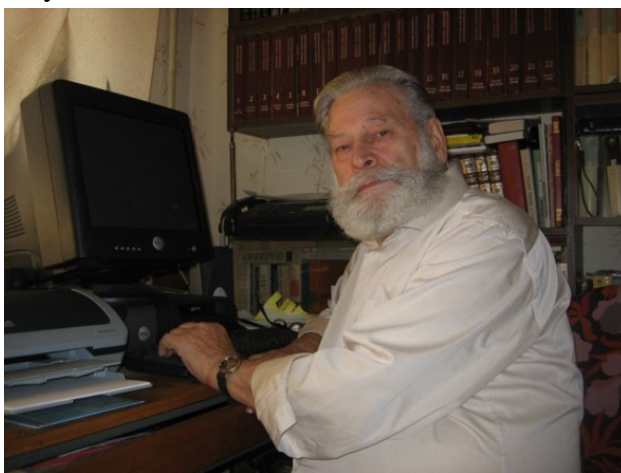
Вадим Зиновьевич Огородников

© Вадим Зиновьевич Огородников, 2019

ISBN 978-5-4496-0659-4 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-0117-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вадим Огородников

Курсант (Или пошлылся у дурни)

Три года, проведенные в курсантской шинели были самыми счастливыми и беззаботными годами за все годы, проведенные в строю. И это несмотря на рухнувшие окончательно надежды на потомственную и так любимую врачебную карьеру. Окончательно «пошился» в военнослужащие.

Вадим был из медицинско – ветеринарной семьи в четвертом поколении и мечтал стать медицинским хирургом. Семья ко времени выпуска из средней школы жила в городе Винница, там – же были друзья и подруги, там зародилась первая любовь, казалось, что это последняя, там были произнесены первые слова клятвы в верности.

Предметом его воздыханий была плотненькая гимнастка, Галя, студентка физкультурного техникума, довольно грамотная и эрудированная для своих восемнадцати лет девушка, которая и сама была во власти влечений к Вадиму. Правда, они оба, в результате воспитания могли сутками находиться вместе, но и не помышляли переступить ту грань, которая дала бы право называть друг друга мужем и женой, в крайнем случае, стать элементарно любовниками. Дружить они стали лет с пятнадцати, взаимоотношения носили весьма доверительный характер. Это через годы понятия искривились и стали «элементарно» обыденными.

Вадим не пропускал ни одних спортивных соревнований, в которых участвовала его любимая, болел за нее, высчитывал параллельно с судьями ее оценки, его познаний в гимнастике хватало, чтобы оспаривать несправедливое судейство, или проводить анализ после соревнований.

К моменту окончания техникума она стала мастером спорта по спортивной гимнастике, в то же время Вадим закончил десятилетку, оба получили среднее образование, оба мечтали о высшем, благо, она окончила техникум с отличием, и ее направили без экзаменов, как личность перспективную, в Киевский институт физической культуры. Иначе для нее и быть не могло, она получала пенсию за погибшего в Великой Отечественной войне отца. Он был генералом от артиллерии, погиб в последние дни войны. Пенсия выплачивалась до окончания образования, составляла восемьсот рублей по времени пятидесятых годов. Не поступать в институт в ее положении было бы безумием. И она стала ждать вызов.

Семья Галины состояла из матери, Зинаиды Климентьевны, бабушки и двух младших сестричек. 1950 год оказался неудачным, даже несчастливым годом для их семьи. Умерла бабушка, а через три месяца средняя из сестричек, от опухоли мозга. Вадим взял на себя часть забот по похоронам сестрички – Шурочки. Ей было всего девять лет, и она была очень живым и любознательным ребенком. С Вадимом у нее были близкие, дружественные отношения, она его любила не меньше, чем старшую сестру. Часто жаловалась на сестричку, если та поступала несправедливо.

С Зинаидой Климентьевной у него были тоже добрые отношения, хотя, в душе, он понимал всю никчемность существования молодой, тридцатилетней вдовы, которая, упиваясь своим вдовьим горем, нигде не работала и не хотела работать, существовала только на небольшое пособие от государства, назначенное после гибели мужа. Ни одного семейного вопроса она не решала, не посоветовавшись с Галей и Вадимом, все повторяла: «Надо поговорить с нашим профессором, он рассудит толково». Профессор – это непререкаемый авторитет Вадим, друг дочери, авось, будет зятем. И он бывал в доме чуть не ежедневно, ведь они дружили уже три года. Отношения были чрезвычайно доверительные.

В это время Вадим подал свои документы в Винницкий медицинский институт. Начал благополучно вступительные экзамены, к концу августа уже был студентом.

В это время Галя получила извещение о зачислении на первый курс в Киеве.

Разговор, приведший к непредсказуемым последствиям между молодыми людьми, происходил на водной станции «Локомотив», что располагалась на острове, между Старой и Новой Винницей.

– Ну, вот и все, Вадим, я уезжаю в Киев, там буду учиться, будут новые люди и новые ухажеры. Наверное, все между нами кончено.

– Я буду к тебе приезжать на каникулы, может быть, иногда, и на выходной день. Здесь расстояние всего двести километров. Поезд идет меньше четырех часов.

– Все это не то. Очевидно, наша любовь заканчивается. Посуди, чего ждать целых пять лет? Старения, и ни с кем ничего, без общения и радостей, которых у нас и так мало.

– Ты хочешь срочно замуж?

– Нет, я хочу, чтобы ты был всегда рядом, а замуж – после окончания института.

Оба остались этим разговором недовольны, оба с полным расстройством и неудовлетворением пришли к себе домой.

На следующий день Вадим пошел в свой институт, написал заявление, что просит дать справку о том, что он принят в институт на лечебный факультет, и справка дана для перевода в Киевский медицинский институт.

Конечно, администрация института в выдаче такой бумаги отказала, пришлось обращаться в горком комсомола, и по его ходатайству Вадим документы свои получил. Без строчки о переводе в другой институт.

И помчался в Славный Киев – град, в медицинский институт, в полной наивной надежде на зачисление, где ему благополучно отказали, поскольку свой прием у них закончился, было в тот год шесть человек на место и кандидаты на зачисление стояли в очереди, ожидая, когда кто ни будь, споткнется из новоявленных первокурсников.

Он в ветеринарную академию, что в Годлосеевском лесу.

– Вы, что, молодой человек, сами не знаете, чего хотите? Вы поступили в медицинский, теперь хотите в ветеринарный, а после этого можете захотеть в политехнический. Вы несерьезны, по крайней мере, сказал декан факультета. Мы не можем, и не хотим вас взять.

Пришлось, не солоно хлебавши, возвращаться в Винницу. От восторженной самостоятельности и самонадеянности не осталось и следа. Совершены опрометчивые детские поступки. И это в свои годы довольно приземленный парень понял сразу. Жизненный опыт. Оказалось, что на освободившееся место после скандального выбытия Вадима взяли кандидата. На этом эпопея с медициной, не считая домашних скандалов и возмущений родителей, закончилась.

Далее – военкомат. Призыв в Красную армию, как альтернатива высшему образованию.

– А поступайте в военное училище, подготовка у Вас хорошая, физически вы, пожалуй, тоже подойдете, да и время не потеряете. Соглашайтесь.

Предложил начальник, который занимался призывниками.

– А в Киеве, какие ни будь училища есть?

– Есть, вы можете выбирать: общевойсковое (пехотное), медицинское, танко – техническое, артиллерийское полевой артиллерии, самоходной артиллерии, пожарное, авиационное, и другие есть. Рекомендуем Самоходной артиллерии. Это то же, что и танк, только башня не вращается, да эрудиция требуется пошире. Углубленное изучение артиллерии, математики. Да высокая тактическая грамотность.

– Согласен, направляйте в самоходное.

Ему в тот момент было абсолютно безразлично, быть бы ближе к любимой.

– Ладно, дадим Вам комсомольскую путевку, а то там в этом году привалила масса переростков, заставших, как и вы в войну. Конкурс большой. Ведь народ, окончил десятилетку и идти на три года рядовыми, а кто попадет на флот, то и все четыре это плюс к потерянным в войну.

И фарс, под названием «Поступление в военное училище» начался. Именно фарс. Было очень забавно, когда умнейшие ребята, после медицинской комиссии, не добрав один сантиметр до минимального установленного командованием роста, объявлялись не выдержавшими конкурса. В этот год училище могло позволить себе роскошь набирать парней не ниже ста семидесяти сантиметров. Был начальник училища генерал – лейтенант Петров, Иван Иванович, уникальнейший человек, офицер, воспитатель и ученый. Так это ему, человеку низкорослому, хотелось на парадах шагать впереди строя богатырей.

Строй училища на парадах, действительно, отличался своей оригинальностью. Впереди шел генерал, не более ста шестидесяти сантиметров ростом, плотного сложения, за ним – знаменосец, в наши времена Витя Толстой двух с лишним метров, его ассистенты подполковники братья Андроновы с шашками наголо, тоже немалого роста, пожалуй, около ста восьмидесяти сантиметров. И, дальше – все училище, все высокие, крепкие, хорошо кормленные, тренированные, спортивные.

В тот год принимали три роты по сто человек на каждый профиль. Профилей – три. Тяжелые самоходные установки, это 122 мм пушки и 152 мм обе на базе тяжелого танка ИС-3, средние – 100 мм пушка на базе Т34, и легкий, это Су – 76, позже прибыли тогда секретные десантные АСУ-57. Всего триста человек на курсе.

После медицинской комиссии отсеялось и уехало домой около половины поступающих. Многие, кто не вышел ростом, поехали пытаться счастья в другие училища. Еще большая группа не прошла первого вступительного экзамена – физической подготовки. Упражнения были, в основном, силовые, и те кандидаты, которые ранее не занимались спортом, конечно, их выполнить не могли.

И осталось в борьбе за место в учебном процессе училища менее, чем три человека на одно место. Здесь уже фактически не было препятствий для средних знаний, и, все же, ребята из слабых сельских школ поступить не смогли. Если учесть, что льготниками были представители национальных кадров, для комплектования национальных дивизий, типа грузинских, армянских, казахских, азербайджанских, которые через пару лет были расформированы по элементарным причинам внутренних конфликтов. Гонору и, например, грузинского высокомерия – хоть отбавляй. Горький в своем произведении «Мой спутник» был очень прав.

Большинство представителей льготных национальностей были очень далеки от каких – либо знаний, в особенности, русского языка, математики, географии. Многие из них еще на этапе поступления пытались организовать традиционные для своих мест базары, товарообмен, куплю – продажу. Это все в процессе обучения было искоренено и забылось, как позорное прошлое.

Все, кто прошел через физ. подготовку, язык и математику – были зачислены. Сформированы взводы, роты, батальон, который состоял из трех рот и представлял собой курс.

Вадим попал в роту тяжелых машин, в первый взвод, сформированный из наиболее грамотных парней, что преследовало изначально, цель – иметь лучший взвод в роте, быть готовым к «показухе». Во взводе было двое ребят из Армении, один грузин, один молдаван, остальные из России и Украины. Парни из республик конкурса по росту не проходили, и единственным условием было, чтобы хоть немного они понимали русскую речь. Впоследствии, года через два, они прекрасно изучили язык, с удовольствием читали русские книги. Многие украинцы и русские проявляли интерес к армянскому языку и грузинскому. С удовольствием обучались и общались.

Одели всех по солдатской норме в кирзовые сапоги, хлопчатобумажные гимнастерки и шаровары, выдали портянки и пилюльки. Постригли наголо. Зрелище было весьма непривычное. Начался месячный курс молодого бойца, включающий в себя элементарные знания уставов и поведения военнослужащего, с последующей клятвой на верность отечеству, или попросту военной присягой.

Присягу принимали в торжественной обстановке, при построении всего училища, в первый день учебного года, который начинался первого октября.

После присяги курсантов разрешено было отпускать в увольнение в город, до вечерней проверки (поверки, на воинском жаргоне, узаконенном уставами).

В увольнение хотели все. Очень хотелось после месячной маршировки, хождений в строю даже в столовую, побыть какое то время на свободе. Но, учитывая потребности друг друга, и, зная кому из нас есть необходимость быть в городе прежде других, Вадиму выпала первоочередная удача. Ему необходимо было уладить личные дела. Поход в городское увольнение сопровождался целым рядом процедур, на первый взгляд, лишних, но без них ты в увольнение не пойдешь.

Во первых, ты представляешься командиру отделения для осмотра на предмет внешнего вида, подстриженности, побритости, подшитости (воротничек гимнастерки должен быть подшит белым материалом, чистый, выглядывать над кромкой воротничка на толщину спички), наглаженности одежды и чистоты сапог. Пуговицы должны блестеть, ременная пряжка начищена, все имеет значение.

В момент, когда предстоит отправка в город, все увольняемые выстраиваются и представляются старшине роты. В те времена выдавались на руки каждому увольняемому личные знаки, представляющие собой штамповку на алюминиевом квадрате. На знаке – личный номер, записанный в красноармейской книжке, а также наименование воинской части. Личный номер присваивался на весь срок службы красноармейца (курсанта). Наличие у солдата или курсанта личного знака свидетельствовало, что он отпущен в город до вечерней поверки на законном основании. Патрулями проверялся вместе с красноармейской книжкой.

После проверки старшиной внешнего вида и выдачи личных знаков курсанты представлялись дежурному по училищу, и после соответствующего напутственного инструктажа можно было пересекать линию ворот.

Эта процедура была преодолена, и наш герой двинул на трамвае №23 в город, где на улице Красноармейской был Киевский Институт физической культуры и его общежитие. На этой же улице в те времена находился Киевский цирк, который в конце пятидесятых переехал на площадь Победы. Но это уже не при Вадиме. Он взял билеты на лучшие места, цирковое искусство всегда привлекало и его и Галю, и с билетами уже пошел к ней в общежитие. Пройдя кордоны вахтеров, нашел ее комнату. Встретились. В комнате жило человек шесть девчат, каждая занималась своим делом, некоторые спали, кто-то сидел над учебниками. Встреча была слегка натянутой. Такой настороженности Вадим не замечал за ней никогда ранее. Свидание в комнате общежития на глазах у интересующихся кумушек было неудобным. Позвал сходить в цирк. До представления было еще добрых два часа. Решили перед представлением прогуляться. Идут по красивой улице, заметно, что Галя стесняется чего-то, чувствует себя неловко. Разговоры велись отвлеченные, и по поведению своей дамы Вадим пришел к выводу, что ей не нравится его теперешний статус. Напрямую ничего не было высказано, но чувствовалось.

И, вдруг, она вовсе стушевалась, и отвернулась, сказав: «Ой, Владлен Константинович идет с женой». Был такой мастер спорта по гимнастике, тоже из Винницы, Потом заведовал кафедрой гимнастики в Киевском институте. Общий знакомый. Жена – спортивный врач. Вместе работали над научной тематикой по физиологии тренировок.

Поведение Гали переполнили чашу долготерпения чувствительного и ранимого друга. И он, вдруг, понял, что жертвы, брошенный институт, порванные отношения со многими,

поступление именно в Киев, чтобы было ближе к ней, того не стоили. А ей было элементарно стыдно его солдатского естества. Сказывалось воспитание в семье генерала и полнейшее пренебрежение, если не сказать больше, к лицам рядового состава.

Он, сдерживая бушевавшие в нем мысли и страсти, сумел произнести: «Да, я и забыл, я сегодня должен заступать на дежурство, вот билеты, пригласи кого ни будь. И с этими словами, он вручил ей билеты, вскочил на подножку проходящего мимо трамвая, и уехал обратно в казарму.

Это было бегство, что стало ясно впоследствии, после анализа событий. Но бегство от выяснения отношений. Прибыл из увольнения досрочно, к обеду, чем весьма удивил ребят из своего взвода. На этом закончился период романтических взаимоотношений с единственной и неповторимой. Было облегчение от присутствия среды, которая вообще, исповедовала в тот момент легкость во взаимоотношениях.

Было еще две встречи между Вадимом и Галей за период трехлетнего обучения.

В зимнее время, когда позволял снежный покров, в училище не обходилось ни одного воскресенья без лыжных прогулок и зимних спортивных мероприятий. В одну такую прогулку они съехались в распадке между двух холмов во время лыжного пробега. Ему останавливаться было невозможно, нельзя подводить свою команду, а она, очевидно, просто каталась. Увидели друг друга, и Вадим, не останавливаясь, побежал дальше.

Вторая встреча была в оперном театре, смотрели балет «Дон – Кихот», оказались в соседних ложах, увидели друг друга в антракте. Встреча носила визуальный характер, издали раскланялись. Не более.

Учеба шла легко. Редкие перегрузки на полевых учениях не казались чем-то из ряда вон. Для многих физические нагрузки и лишения казались непреодолимыми, только не Вадиму, прошедшему большую жизненную школу. По всем предметам у него были только отличные оценки, он мог консультировать и помогал товарищам, особенно парням, не знающим русского языка – армянам, грузинам, таджикам. Было пара хлопцев с невысоким интеллектом с Западной Украины. Первый курс был, конечно, напряженным, но не настолько, чтобы об этом стоило говорить. Курсанты освоили простейшие навыки командования танком, обязанности механиков — водителей, командиров орудий, наводчиков. Все получили права водителей автомобилей и мотоциклов. Изучили большой курс военной топографии. Прошли определенную школу выживания в экстремальных ситуациях. Все умели разжечь костер, сварить кашу с тушенкой, знали правила поведения в разведке, в лесу, в поле, но...

В зимний период обучения, когда проходили стрельбы из штатной 122 мм пушки, произошел маленький инцидент, который был потом не только тягостным воспоминанием, но и руководством к действиям на протяжении всей жизни.

Вадима с еще одним курсантом, Вовой Карпюк, парнем родом из Закарпатья поставили на другом конце полигона в оцепление для недопущения проникновения в зону стрельбы посторонних. Это был важный пост на скрещении зимних дорог, по которым местные жители возили дрова, сено, из копен, находящихся в лесу, и другие грузы. Но в тот день возы с сеном или дровами могли попасть под обстрел, и стояла задача – не допустить.

Пост находился в шестнадцати километрах строго на юг от линии огня самоходок и немного дальше от казарм на полигоне Гончаров Круг. Черниговщина. Михайло Коцюбинский район.

Привезли ребят на машине, поставили задачу и предупредили, что за ними приедут к вечеру, сухой паек был с собой, да по хорошему куску сала в качестве дополнительного питания. И по булке хлеба на брата. Можно и два дня спокойно прожить.

Развели костер, грелись, разговоры вели на различные житейские темы, вспоминали свои семьи, рассказывали байки из своей гражданской жизни. У обоих было, что рассказать или о чем умолчать. Не заметили, как прекратилась стрельба, часам к двенадцати дня небо заво-

локло тучами, началась метель. А стрельба была прямой наводкой, по обоюдному предположению прекращена из-за плохой видимости, вернее, по причине отсутствия видимости.

Вадим был старшим поста, ему пришла идея двинуться напрямик к центру полигона, двигаясь на север, он рассчитывал прийти к казармам через три часа. Сказано, и поддержано Владимиром. Не было смысла на голом перекрестке, при задуваемом костре, сидеть и ждать машины. Побежали. А метель крепчает, кажется, что движутся на север, но компаса нет, страны света по местности и предметам, как учили по топографии, определить не удалось. Часов через пять движения парни пришли на место, откуда вышли, да еще увидели следы машины, которая собирала оцепление. Тогда решили двигаться по дороге, специальная просека в лесу, по кругу это уже составляло более тридцати километров. Пошли. Но к этому времени уже совершенно стемнело, да они изрядно устали. На их пути, немного слева от дороги, встретились копна сена. В копне и решили сделать малый привал.

Надергали сена, легли, обнялись, расстегнув бушлаты, сверху еще укрылись сеном. Создали душный, но теплый микроклимат. Уснули оба моментально. Было около пяти часов утра, а проснулись снова к вечеру. Сначала подумали, что светает, но, оказалось при сверке часов – темнеет на закат дня. Они проспали весь день. Двинулись дальше. Настроение подавленное. Шли всю ночь. Метель прекратилась. Почти. К утру увидели следы нескольких человек на снегу. Пришли к выводу, что, коль была недавно метель, а следы четкие, значит люди здесь проходили недавно. Пошли по следам. И уже начали узнавать местность. До лагеря оставалось три – четыре километра. Они шли по территории танкодрома.

Вова Карпюк заявляет: «Ну, хорошо, я тут под этой сосной посплю, а ты пойдешь и вызовешь людей, и меня заберут». Пришлось Вадиму его уговаривать, он один может и не дойти, говорить всякое, потом гнать Володю пинками, злиться самому, и в истерике, размазывая свои слезы и сопли, бить друга по физиономии, но заставлять двигаться.

Ввалились в казарму на последнем издыхании, сидят среди ночи одетые курсанты, прямо на полу, это одна из групп, которые их разыскивали. По следам этой группы они и пришли.

Не обращая внимания на шум и возмущение товарищей, два друга упали на свои спальные места и моментально отключились. А через пару часов подъем, построение и явление перед строем командира батальона полковника Шарипова.

– Заблудившиеся выйти из строя!

– Кто был старшим поста?

– Курсант Огородников.

– Курсанту Огородникову, за неумелое командование постом и проявленную недисциплинированность объявляю десять суток строгого ареста.

– Курсанту Карпюк, за то, что не удержал товарища от дурного поступка – выговор. Становитесь оба в строй. На гауптвахту посадить по прибытии на зимние квартиры.

С прибытием в Киев Вадима постригли наголо, посадили на гауптвахту по строгому режиму, это – когда в одиночке, горячую пищу давали через день, в голодные дни – только хлеб по норме, и воду – сколько хоч. Волосы к отпуску так и не отросли, хотя, скромный ежик уже был, и можно было причесываться и формировать прическу. А сразу после отсидки было очень неудобно отвечать на вопросы, и многочисленные, девушек на танцах.

Строгую гауптвахту отменили лет через десять.

Да. Танцевальные вечера. Они занимали немаловажное место в жизни вообще и в обучении в частности. Танцы были обязательны и проходили в обстановке относительной раскованности и являлись вознаграждением всему тысячному составу училища за недельный труд – бегом и только в строю. И только по минутам распорядка дня.

Иван Иванович Петров, начальник училища, строго следил за умением курсантов общаться с дамами, умением танцевать и умением вести себя в любой жизненной или светской ситуации. Он был горячо любимой и постоянно присутствующей личностью. Приезжал

на своей служебной «Победе» к семи утра, выслушивал доклад дежурного, ждал в центре передней линейки, когда роты после подъема выбегут на зарядку, снимал свой мундир, рубаху, оставался оголенным по пояс, делал со всем училищем физическую зарядку. В любую погоду, во все времена года, под дождем, снегом, и только оголенным по пояс, как и все курсанты. И в будни и в праздники. Сорок минут. Пробежка по большому кругу. Присутствовал на обеде и ужине или завтраке, не менее двух раз в день. Мог подойти к столу, обнять курсанта, и сказать:

– Сынок, возьми вилочку в левую руку.

И «сынок» уже никогда не нарушал правила обращения со столовыми приборами.

Так этот отец требовал, чтобы все, кто свободен от дежурства и не в увольнении – были на танцевальном вечере в клубе. И эта обязаловка не была в тягость, никому, даже многие, уволившись в город, возвращались ко времени танцев в училище. Не умевшие танцевать, обязаны были учиться.

В клубе функционировало три зала. Два бальных, один – космополитический. Что такое «космополитический», требуется разъяснить.

В те времена политика партии, комсомола, вообще культуры запрещала в домах культуры, и других танцевальных площадках такие танцы, как танго, фокстрот, твист, линда и другие, пришедшие с «запада. Всех их относили к космополитизму, что по сути тогдашних понятий было ругательным словом. Ругали и песни эмигрантов, таких, как П. Лещенко, Вертинский, да и других. Устраивались гонения на родоначальника советского джаза Утесова, сослали В. Козина, который так до конца жизни и не вырвался из Магадана. Правда, ему инкриминировались и другие прегрешения морального свойства.

Иван Иванович оправдывал свое разрешение космополитических танцев тем, что Советский офицер должен уметь себя вести в любых условиях и в любом обществе. Многие после окончания срока обучения направлялись для дальнейшего прохождения службы в Германию, Венгрию, Польшу, и в другие страны, идущие вслед за Советским союзом в своем развитии по пути развития социалистического общества.

Несколько танцовщиц из лучших танцевальных коллективов столицы Украины преподавали танцевальную дисциплину, за плату, конечно, начальник находил им должности, а у него была наемная партнер, которая на многих вечерах начинала с ним полонез, в том числе, и на выпускных.

Процедура приглашения девушек с гражданской точки зрения и обывателей, была интересной. Каждый курсант имел право пригласить не более двух девушек, для чего заблаговременно, во вторник через канцелярию роты подавались списки приглашенных в особый отдел. В списках указывались данные о фамилии, месте проживания, точный адрес и кто приглашает. Списки особым отделом проверялись, проверке подвергались и девушки по месту жительства, после чего в бюро пропусков направлялось разрешение на выписку пропусков. Пропуска выписывались, и за час до начала вечера у проходной выстраивалась очередь из девчат, которые сдавали свои паспорта и взамен их получали пропуска на территорию. После окончания вечерних развлекательных мероприятий проходила процедура обратная, взамен пропусков выдавались паспорта.

После отсидки на гауптвахте надо было догонять по ряду предметов и сдавать по пропущенным темам зачеты. А за то, что заблудились в лесу, подполковник Емцев по топографии поставил неудовлетворительную оценку за зимний период обучения, и пришлось, с воспитательной целью, сдавать топографию четыре раза. Обоим заблудшим. Емцев был любимым преподавателем, и его воспитательные меры не испортили любви к нему. Вадим пятерку все равно надекламировал. Отдельные положения учебника вызубрил наизусть.

Заключительным этапом первого курса был пеший марш по Екатерининской дороге из Киева в Чернигов и участие в строительстве нового летнего лагеря «Гончаров Круг». Почему

Екатерининский тракт, так его построили и уложили кирпичи на ребро, елочкой, в царствование Екатерины Второй, эта дорога сохранилась в приличном состоянии до пятидесятих годов двадцатого столетия. Ремонтировалась в немногих местах. В оправдание сегодняшним строителям, когда дорога не выдерживает и пяти лет с момента ее сдачи, в те времена меньше ездили, тоннаж транспорта был меньше в десятки раз, хотя, Екатерининская дорога выдержала передвижение войск в революционные годы, в Великую отечественную войну. Мы прошли эту дорогу маршем, с оркестром и песнями, за двое суток. Пешком. Пришли в Гончаров круг на третий день. С нами, конечно, были сопровождающие машины, санитарная, грузовики для страховки и для сопровождающего оркестра. Шли всем батальоном, поротно, командиры впереди. Сто двадцать с лишним километров за два дня были хорошим экзаменом на выносливость. Курсанты были воспитаны так, что даже падающие считали для себя позорным показать слабость, и не просились на машину. Был постоянный медицинский контроль. После преодоления моста в Чернигове через реку Десна было разрешено облегчение. Все свои вещевые мешки погрузили на машины. Еще предстоял путь до места в Михайло-Коцюбинском районе, в лес, где был землеотвод на неплодородных полях. Говорят, что этот лагерь, который мы начали строить в 1952 году, существует и поныне. И большой танкодром вдоль Десны и ее стариц. Был месяц работ вперемешку с занятиями. Расчистили переднюю линейку, поставили палатки и завершили учебный год экзаменами и зачетами, пожили в полевых условиях, на поезде вернулись в Киев и получили месяц отпуска – каникул. Они были первыми, которые покинули Броварской полигон, ушли подальше от цивилизации и начали строить большой учебный полевой центр для Киевского Военного округа. Военные принесли цивилизацию в Михайло – Коцюбинский район Черниговщины. А местное население в те времена ходило в лаптях и еще не знали, зачем газеты, во всех отношениях, не знали о существовании женского – мужского белья, кинопередвижки в села приезжали два раза в месяц, со своими электрогенераторами. Освещались в селах «каганцами», наиболее зажиточные имели керосиновые лампы.

Прибыв домой, Вадим встретился с себе подобными, такими же курсантами военных училищ различных родов войск со всей территории Советского Союза. Отпуск у всех был с первого сентября по первое октября и приходился на время, когда сверстники, учащиеся в институтах, уже начали свой учебный год. Собралась неплохая компания ребят, чья судьба во многом была схожей, и кто, будучи в результате войны «переростком», имел только одну дорогу.

К наиболее ярким личностям следует отнести Ивасюк Георгия (потом, Николаевича). В те времена – просто Жору. Он был совершенно принципиальной личностью и уже в те годы, несмотря на политическое давление «системы», смело высказывал неприятие этой системы, некоторые из курсантов не рисковали его поддерживать в его убеждениях, а Вадим, будучи с ним совершенно солидарен, принимал его мнение, как позерство, носящее временный характер. Но именно с ним у Вадима были наиболее дружеские отношения. Эта «приязнь» осталась на годы, и до старости они имели полное единодушие во взглядах.

Были отпускники – курсанты Милованов, Мильман, курсант – летчик Чесноков.

Жора учился в Ленинградском артиллерийском училище, успешно его закончил, некоторое время служил в войсках различных округов, но, благодаря своим способностям и трудолюбию был переведен в генеральный штаб, там и служил до самой пенсии. В Коммунистическую партию не вступал, и это, конечно, сказывалось на карьере и многом другом. Бал правили собрания, безоговорочное одобрение политики партии, восхваление «богов» от КПСС, Жора этому не поддавался и, несмотря на, практически, незаменимость по службе, был до конца при своем мнении. Хотя, за победу в войне он воевал уже в двенадцатилетнем возрасте. О его партизанских годах в Великой Отечественной войне на Украине имеются доказательства и документы. В бытность свою в генеральном штабе на многолетней должности, он даже жилья

не получил. В пору спросить, а где эта партия, которая давила всегда на нормальных и преданных людей.

О политических взглядах потом, в других разделах повествования. Здесь ставлю своей задачей не литературный труд с художественными приемами и вымыслом, а хроникальное описание событий. Хотя, без вымысла и завязки – развязки, без заложенной идеи и эффектного конца многим читать неинтересно.

Сейчас у нашего героя каникулы, развлечения вокруг небольшого драматического театра, встречи с молодыми актерками, дружба со студентками педагогического института.

Ежедневно доблестные будущие защитники отечества и Коммунистического строя собирались в сквере, напротив педагогического института, встречали уже определившуюся компанию девушек, разрабатывали план развлечений на сегодняшний вечер. Естественно, что парни до позднего дневного времени отсыпались, им отдыха было предостаточно, а, вот девчата, как приходили домой поздно ночью, на сон имели три – пять часов, утром бежать в институт, а вечером снова, и каждый день. Молодой энергии на все это хватало, но к концу такого месяца девки еле ноги волокли. Никем из знакомых девушек Жора не увлекался, да и все ребята дружили со всеми, не выделяя никого и не привязывая к себе обязательствами. Просто, всем вместе было хорошо и весело. Собирались в сквере, или парке, шли к одному из них домой, устраивали танцы, иногда с вином.

Вадим, уже поимевший некоторый опыт в общении с бывшей подругой, конечно, отдавал предпочтения понравившимся, но не углублял отношения. Была очень эффектная студентка. Второго курса, Люда Бажан, дочь заместителя командира местной танковой дивизии по тылу. Ее поведение говорило, даже кричало: «хочу выйти замуж, и обязательно за будущего офицера». Она была дочерью полковника, и думала, что лейтенант тоже сразу будет иметь те же возможности и перспективы, что и ее отец – снабженец.

Она ездила по городу на мотоцикле «ИЖ», волосы развевались по ветру, одевалась в броские спортивные костюмы, с удовольствием катала на своем мотоцикле молодых людей. Неоднократно рассказывала друзьям, как ей нравится бывать на вечеринках верхушки дивизии, как она танцевала, и с кем, не понимая, что вниманием офицеров к себе она обязана положению папочки.

В городе появились новые лица. Это сразу заметно в таких небольших городках, как Бердичев, Овруч, Новоград – Волынский и другие.

Это приехали на практику студенты Киевского института пищевой промышленности на местный сахаро – рафинадный завод. Моментально начали завязываться быстротечные романы, эта группа девчат быстро вошла в компанию бездельников – каникуляров. Жили они в общежитии при заводе, но ежедневно выходили после рабочего дня на городскую прогулку или танцевальные вечера, проводимые в городском парке. Оркестр, какая – никакая культура, новые люди, новые знакомства, хотя, посетители этих вечеров и так все знали друг друга. К чести сказать, группа курсантов, находящихся на каникулах, городские танцевальные вечера посещала считанные разы.

Вадим заметил, а потом и познакомился, с девушкой, интересной внешне. Высокая, стройная, лицо у нее было тонкое, черные, красиво очерченные брови. Коса, толстая, русая, длинная завершала эту картинку, которой нельзя было не любоваться. Ходила всегда с высоко поднятой головой, гордо несла умеренных размеров грудь, слегка приоткрытые губы, казалось, хотят что то произнести, или уже произнесли. Умница, оказалась, темы разговоров с ней были неиссякаемы, длинными вечерами, когда он ее провожал через весь город, мимо завода «Прогресс», мимо кладбища в общежитие завода. Недостаточная опытность и скромность не позволяла ему сблизиться, а, потом, когда они расставались в конце каникул, она напрямую сказала, что об этом мечтала и об этом сожалеет. И потерь моральных не было бы, как позже оказалось, она уже в тот период была женой человека, из того же сообщества курсантов военного

училища, который в тот момент в городе отсутствовал. По обстоятельствам семьи. Личностью был известной. Порядочность была соблюдена, хотя могла быть нарушена и дорога каждого из них к цинизму была бы короче. Многие из этих тайн она поведала Вадиму уже во время учебного года, когда они однажды встретились в Киеве. Случайно.

Время Каникул быстротечно, месяц промчался незаметно, настала пора возвращения в стольный Киев – град. На удивление всех сокурсников возвращение было радостным и желанным.

Друзья

Дружба-понятие вечное. Понятие круглосуточное. И бескорыстное.

Условия, в которые попадают люди, находясь в изолированном от особ противоположного пола обществе длительное время, всегда предполагают создание отдельных пар или групп единомышленников или взаимно заинтересованных людей, которые рано или поздно становятся друзьями или врагами. И никак не безразличными друг другу. И это уже относится к закономерностям человеческих отношений. Только хорошо развитые личности, живущие силой ума, а не инстинктов, способны преодолевать трудности совместного существования. В особенности, если в данном обществе не присутствуют особы противоположного пола. Как писал Лев Николаевич: «Из двух друзей всегда один раб, в лучшем случае они не признаются друг другу в этом».

Когда это три или более человек, то определяется лидер, и этот лидер уверенно диктует свою волю и правила, которые ему представляются единственно верными. И тогда весь коллектив или содружество обречены, делать добрые или злые дела по воле своего лидера.

Нас, потянувшихся друг к другу, и сохранивших дружеские отношения на долгие годы, было трое.

В нашем случае опровергается всякое понятие, как о лидерстве, так и о рабстве или подчиненности друг другу. Вот такой нетипичный случай в армейской среде. Полное равноправие в делах, поступках, общении с другими сослуживцами, независимое отношение к учебе и других сторонах жизни курсантов. Мы все были очень разные, и по темпераменту, и по интересам, и по знаниям жизни. Каждый прошел определенную школу уже до нашей встречи. А встретились мы еще в так называемом «карантине», будучи кандидатами на поступление. Жили в палатках, всего человек восемьсот, каждый день отсеивались, не выдержавшие испытаний по различным вопросам, начиная с медицинской комиссии и физической подготовки и кончая обычными знаниями школьной программы по сдаваемым предметам. А сдавали мы кроме физической подготовки русский язык и литературу, математику, историю и иностранный язык. Оценкой отсева, по началу, была тройка, но к концу вступительного периода было отсеяно такое количество, что принимали к следующему экзамену и с тройками. С поступающих лиц, приехавших из республик средней Азии и Кавказа, по русскому языку требовалось хотя бы внятно поздороваться и хорошо знать свое имя, отчество, фамилию, откуда приехал. Да и какую роль могли сыграть уже после русского и математики остальные оценки, когда при существующей системе обучения в училище только круглый дурак был неспособен усвоить программу.

Уже в карантине мы совпали по своему росту метр семьдесят шесть, стояли рядом в строю, в одной шеренге, при построении в колонну по четыре, были в одной группе при экзаменах, сидели рядом за обеденным столом. Столь тесное соприкосновение, впервые в жизни с одними и теми же товарищами, конечно, склоняли к ряду совместных действий и поступков. Дня через три после нашего знакомства, в выходной день, мы уже «сорвались» в Киев, в город, чтобы ознакомиться с достопримечательностями и, вообще, попить пива. Что, впрочем, было категорически запрещено, об этом было объявлено во всеулышание перед строем. Мы к тому времени не были склонны к беспрекословному выполнению «порядка и правил», установленных уставами. Эти строгости для нас были, скорее, условностями, которые можно обойти. И мы обошли при первом же посещении города, который для нас был интересен, во всех отношениях. Мы интересовались и историческими памятниками, и географией города, и очень хотелось посмотреть на Днепр, столь много воспетый в школьной программе.

Виктор был среди нас несколько ущемлен в правах, поскольку пришел из Северного флота, обмундирован в полную матросскую форму и его могли задержать военные патрули

на ближайшем перекрестке. Пришлось его одевать в наши с Матвеем запасные одежды, вид, конечно у него был не респектабельный, но так одевался весь Советский союз. Времена были небогатые, послевоенные.

Поехали на трамвае в сторону города, не зная куда. Не имея точного маршрута, но с четкой уверенностью, что сразу увидим и Владимира, Первозкрестителя Руси, и Богдана Хмельницкого, и Владимирский собор, и лавру с ее пещерами, и многое, о чем хотелось узнать из первоисточника, своими глазами, своими ногами и головами, до всего дойти.

Матвей был из районного центра в Молдавии Бельцы, Виктор из города Исса, Пензенской области, тоже районный городок в центральной России, я из недалекого Бердичева, в котором, впрочем, жил всего полгода до поступления в училище. Здесь нам пришлось служить после училища в 41 танковой дивизии. В Киеве никто из нас ранее не бывал. Интересовались на уровне туристической любознательности.

Украинский говор удивлял и Виктора и Матвея. Им казалось, что все хотят разговаривать по-русски и коверкают слова, но мне пришлось их переубедить, разъяснив, что это и есть украинский язык. Конечно, киевский украинский очень близок к русскому и это создает понимание того, что человек разговаривает на чем-то среднем, ни по-русски, ни по-украински. Литературным украинским уже давно в те времена никто не владел, правильную украинскую речь можно было услышать лишь в некоторых районах Винницкой или Харьковской областей. В городах звучал уже давно жаргон, смесь двух языков с большой долей местного диалекта. Западная Украина была еще со времен польского владычества в значительной степени поражена польским с примесью венгерского (ближе к Карпатам), и восточный украинец часто не понимал языка западных Львовлян-Волынян-Дрогобычан. Киев в части языка был в сильной степени русифицирован. Мне повезло с языком, я его охотно учил и разговаривал в семье и по русски и по украински, причем, с дедушкой по отцу, Огородниковым и ему, и нам всем сподручнее было общаться на украинском языке. На всю жизнь запомнил прекрасную учительницу украинского языка Лидию Феоктистовну в Винницкой средней школе №13, которая сумела привить любовь к чтению классиков украинской литературы, чтению, начиная с Григория Сковороды, Котляревского, Нечуя Левицкого, Панаса Мырного, Коцюбинского, Ивана Франко, не говоря уже о Т.Г.Шевченко. Эти писатели присутствуют на моих книжных полках всегда, всю жизнь. И, временами, перечитываются. Прекрасное звучание, прекрасный язык, незабываемый, тонкий юмор.

Отвлекаясь в своих мироощущениях и не продолжая рассказа о первом впечатлении от поездки в Город с целью ознакомления с ним. Проехали мимо киностудии, остановку «Пушкинский парк», завод «Большевик», «Воздухофлотское шоссе». Еще какие то, прозвучало: «Площа Перемоги» – Площадь Победы. Мы вышли из трамвая. Нам показалось, что едем мы довольно долго и уже должен быть близок центр города. А здесь только начинался бульвар Шевченко, и до Крещатика надо было идти по бульвару довольно далеко. И мы с удовольствием за полчаса преодолели этот путь, мимо Владимирского собора, мимо пересечения с улицей Коминтерна, которая вела к центральному железнодорожному вокзалу, мимо гостиницы «Интурист», которая находилась по правую руку в те времена. Здесь я слегка искривил последовательность, но менять не буду.

Осень в Киеве описана и писателями и поэтами. Бульвар расцвечен листьями всех цветов от насыщенного зеленого до буро-красного. Под ногами то и дело попадают красивые плоды каштановых деревьев, которые, падая, теряют свою кожуру. Гуляющие с детишками матери не могут удержать своих чад, чтобы они не наполняли хозяйственные и другие сумки этими, в общем бесполезными, но привлекательными своим раскрасом и гладкой поверхностью, плодами. Дни еще солнечные и довольно теплые, так и хочется сесть на скамью и расслабиться. Правда, нам больше хотелось в этот день как можно больше увидеть. Мы вышли на Крещатик, повернули налево от бульвара, и не могли оторваться от только недавно восста-

новленных после войны зданий. Киевская архитектура в своем роде уникальна и интересна даже для человека, красотой зданий и сооружений, не интересующегося. Дошли до здания главного универмага. В универмаг мы заходить не собирались, но, по неизвестной причине повернули налево и через небольшое время подошли к зданию оперного театра. Мы его обошли вокруг несколько раз, любовались и зданием и скульптурами вокруг него. В ближайшем переулке нам попалось предприятие общепита под заинтересовавшим моих друзей названием «Идальня». Туда мы и зашли, уже пора было ввести в свои организмы необходимое количество питательных веществ. Ввели. Что? Сейчас перечислю, помню уже более пятидесяти лет. Хлеб, настоящая паляница, лежал на столах без порций и ограничений, чего в те времена не было нигде по стране. Заказали по две кружки пива, селедку, борщ по-домашнему и, разрекламированные соседом по столу, «варэныки» с сыром. От пампушек с чесноком я друзей отговорил, хотя сам их очень любил и люблю, но предстояло ехать обратно в училище на общественном транспорте. В дальнейшем, каждое посещение города традиционно посещалось это заведение общепита, и, не взирая, на общественный транспорт, мы заказывали «пампушки з часныком».

Пиршество оказалось расслабляющим. После обеда нам уже не хотелось никуда ходить, правда, было уже близко к семи часам вечера, и нас могли хватиться. Скоро в училище ужин. Принято коллективное решение «понтировать пешедралом» и на общественных видах транспорта к месту нашего временного базирования. Никто из нас не хотел, по всякого рода причинам, быть отчисленным, еще до поступления. Все обошлось, прибыли во время, и на вечерней проверке стояли в строю. На следующий день мы сдавали последний вступительный экзамен, иностранный язык. В те времена я еще ясно представлял себе разговорную немецкую речь. Так, что поздоровавшись с экзаменующими, и спросив на немецком у них, какие вопросы они хотели бы мне задать, какой билет брать. Только благодаря своей наглости получил пятерку без единого вопроса со стороны экзаменаторов.

Матвей прекрасно знал школьную программу, тоже по немецкому, и тоже получил отличную оценку. Виктор сдавал английский, и тоже отлично.

Мы уже после этого экзамена считали себя поступившими, но пришлось ждать пару дней до приказа, в это время нас использовали на различных хозяйственных работах. Мы работали по предпринятому оборудованию химического городка.

Первый курс нашего обучения был для всех очень не легким. Усвоить надо было целый стиль жизни, ее темп, ее распорядок, усваивать специальные предметы, к концу первого курса, не считая теоретических предметов, мы должны были освоить и в совершенстве работать за каждого члена экипажа танка. Попали мы все трое на тяжелый профиль, основными для нас были ИСУ-122 и ИСУ-152. Самоходные установки на базе танка ИС (Иосиф Сталин).

Вообще, времена нам пришлось на период учебы такие, что нужно было или слепо и без вопросов быть преданным созданному государственной машиной, или цинично лицемерить, не всегда высказывая свои мысли. Еще недавно было постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и на всех социально-экономических занятиях, будь то Основы Марксизма-Ленинизма, или диалектический, исторический материализм, или Основы воинского воспитания, мы должны были клеймить и всячески ругать любимых нами Зошенко, Ахматову, задевать побольнее творчество Л. Утесова. Все мы любили журнал «Крокодил», а и его надо было клеймить всячески, хотя, сама направленность этого издания говорит о сатире и высмеивании недостатков всех слоев общества. А кончина Сталина в марте 1953 года привела многих в шок, но мы все трое, молча взирали на этот шок, поскольку у каждого из нас были свои счета с существующим режимом преследования виновных и невинных.

У Виктора в 37 году отец был доведен до самоубийства, мою семью постоянно преследовали темные силы КГБ за то, что мы попали на оккупированную территорию и были увезены в Германию, Матвей со своей семьей жил до тридцать девятого года на территории Румынии

и к ним постоянно были определенного рода штрихи недоверия... О самоубийстве отца Виктора я узнал уже в 1985 году, через тридцать лет, когда послал одного из своих сотрудников в Иссу с просьбой разыскать следы Секотовых. До этого он просто нам говорил, что у него одна мать. Спрашивать глубже мы не решались. К сожалению, кроме сведений об отце, пришли сведения и об убийстве местным бандитом и Виктора. Это направление жизни нами просто не обсуждалось. Каждый носил глубоко в своей памяти определенные стороны воспоминаний о прошлом. Мы понимали, что необходимо просто получить образование и оказывать друг другу в этом всяческую поддержку.

Были ли мы патриотами своей Родины? Да, были, каждый из нас готов был на жертвы и подвиги во имя наших родных и близких, во имя спасения соотечественников, во имя защиты Отечества. Но наша идеология была основана отнюдь не на основах Ленинизма-Сталинизма, а на понимании важности задач, которые стоят перед защитником Отечества. Этому нас учила история государства Российского, это мы готовы были совершить, пройдя школу Великой Отечественной войны, в очень молодые, но такие чувствительные годы.

Первый год обучения оказался самым сложным и, не столько по учебной программе, сколько по освоению правил и распорядка, первичного усвоения танковой службы. Основным направлением нашего обучения на первом году было усвоение социально-экономических дисциплин, соответствующих программам первого курса обычного института и каждый из нас должен был уметь, и отлично уметь действовать за любого члена экипажа танка (самоходной установки). Танковые тренировки проходили ежедневно, в послеобеденное время, нормативы были жесткие, исполнения нормативов по секундомеру каждый добивался самостоятельно и вполне сознательно.

Втроем мы составляли основу экипажа, четвертым всегда нам добавляли из других неполных экипажей, так, что слаженности можно было добиваться и на зачетных стрельбах, вождении боевых машин или действии в составе подразделения оценки обычно были обычные, пятерки. Приходилось работать и по подготовке машин и обслуживать боевые машины, и, особенно много внимания уделялось подготовке артиллерийских систем и снарядов перед стрельбой. Элементарным приемам нас учили практически, и к первым стрельбам штатным снарядом мы уже умели и снять с корпуса снаряда пуш. сало, и сделать так, чтобы снаряд был сухим и не выскальзывал из рук при зарядании. Для этого снаряд моется подогретым керосином и протирается насухо, и ввернуть головной взрыватель двойного действия, и установить взрыватель на нужный режим. Наша артиллерийская система была с отдельным заряданием и требовалась особая тренировка и сноровка.

Мы закончили этот курс успешно, а после получения отпускных документов разлетелись за считанные минуты по вокзалам, киевским знакомым, заранее подготовленным адресам. Спешили оторваться от казарменной обыденности. Это было первого сентября 1953 года. Лето, замечательное Украинское лето, заканчивало свой бег прекрасной, теплой погодой. О проведении каникул я уже писал в других главах.

Месяц отпуска прошел, как один день, и снова мы вместе, уже готовы начинать новый учебный год, будто даже соскучились, за казарменной жизнью и друг за другом. Не обошлось после возвращения в Киев без дружеских встреч.

На квартирах у знакомых девушек с возлиянием, в меру, привезенного с собой вина. А привез, с собой, каждый. Матвей из Молдавии привез натуральное сухое, Виктор из Пензы – натуральный первач, мне родитель налил флягу пятидесяти градусной домашней настойки на мандариновых корочках. Но это в меру, и это укрепляло наши взаимоотношения и преданность друг к другу. Излишки оставили у нашей подруги, Тамары Дейн (из сербской диаспоры) к праздникам 7 ноября, которые отмечались весело.

Наше благо, что всю троицу командир взвода, зная о нашей дружбе, отпускал одновременно. И в наряд, внутренний и караул, мы ходили вместе, сменяя друг друга на посту.

У каждого и нас к этому времени были романтические приключения, но все это было одновременно и сколь возвышенно, столь и цинично, на словах. Связывать свою судьбу смолоду мы ни с кем не собирались, и поняв это, наши девушки выходили за муж при удобном случае или появлении соответствующей партии, зная, что мы друзья, мы не женихи.

С нашей троицей был в дружеских отношениях Зураб Орагвелидзе. Это обусловилось тем, что его девушка, Света, дружила с компанией подруг, которых мы навещали, и которые жили компактно, учились вместе в школе и институте. Все они проживали в районе Телички в собственных домах, правда, родители одной из них были работниками средней школы и при школе имели квартиру, звали ее Тамара Васечко, и училась она на финансово-экономическом факультете, работала в сбербанке. Нам было удобно в этот район ходить в увольнение сплоченной группой. Это другой конец города, предместье, в котором размещалось суворовское училище, большой спортивный комплекс, изобиловало асоциальными элементами и шайками малолетних хулиганов.

Зураб около полугода дружил со Светой, но всем было без разговоров понятно, что он для нее не жених, и у них нет будущего. Ее не примет грузинская семья, да и у Зураба нет серьезных намерений. Однажды во время танцевального вечера Света попросила у Матвея совета, как лучше и дипломатичнее поставить в известность Зураба о том, что у нее появился реальный жених, и что она решила выходить за него, и уже дала согласие. Матвей взялся за это деликатное дело. Возмущению и обиде Зураба не было предела. Он возмущался, будто сам собирался на ней жениться и она ему коварно изменила. Ему эта весть была доведена на следующий день, в понедельник, и целую неделю он не мог успокоиться, ругался, готов был искать встречи с женихом, выяснения отношений... Доводы друзей, что он не является потенциальным спутником жизни для девушки, на него не действовали, говорило оскорбленное самолюбие кавказца. Все мы с беспокойством ждали воскресенья и, что будет. Ведь она, Светлана, обещала посетить наш танцевальный вечер в последний раз.

В воскресенье нам всем, в том числе и Зурабу были вручены пригласительные билеты на свадьбу. Зураб свой пригласительный разорвал, мы от них не отходили во избежание крупного скандала. Но Зураб успел произнести, с грузинским темпераментом и акцентом: «ти бляд, бляд-это не та, которая всем дает, а та, которая в мислях, так ти в мислях со всеми хочешь...». После этой его тирады и Свете, и ее подругам вечер был испорчен, они собрались и, не дожидаясь конца танцев, уехали. Мы, с Матвеем и Виктором, проводили их до ворот. На свадьбе из курсантов были только мы втроем. Познакомились с женихом. Старший лейтенант от авиации, заканчивал учебу в академии, вскорости молодая семья уехала к месту службы мужа в далекий приграничный гарнизон. Девченки ее провожали, долго не могли успокоиться, приходили к нам на вечера уже втроем. Правда, Тамара Дейн вскорости тоже отошла от подруг и нашла себе жениха, но вышла ли за него замуж не знаю. Он был парень бурятско монгольского типа и не нравился ее братьям, мнение которых играло очень существенную роль в семье.

Надо сказать, что курсанты училища в невестах недостатка не испытывали, правда, были девушки, которые искали приключений, а некоторые просто, проведя с курсантом ночь, объявляли, что они беременны и требовали денег на аборт, эта операция в те времена была запрещена законом, а подпольный стоил шестьсот рублей, что соответствовало четырем месячным зарплатам инженера высокой квалификации.

Второй учебный год оказался для нас более легким. Мы уже втянулись, и в ежедневную сорокаминутную зарядку с голым торсом при любой погоде, и к постоянным передвижениям бегом, и к тактическим занятиям, и полюбили физическую подготовку, и находили время для участия в спортивных секциях, пению в хоре и занятиям самодеятельностью. Ни одного вечера мы не оставляли себе для безделья в казарме. Справедливости ради надо сказать, что распорядок дня был составлен таким образом, что курсанты в казарме, даже в личное время, были заняты и на виду у командиров. Лица, которые занимались спортом в училищных сек-

циях и самодеятельностью – имели определенную степень свободы и после ужина до вечерней поверки были относительно свободны. Важно было не нарушать установленный порядок и дисциплину.

Мы с Матвеем занимались три раза в неделю фехтованием, и два раза играли в драматическом кружке. Фехтованием на шпагах занимался и Зураб, Виктор был музыкален, и пел в хоре, иногда подменяя аккомпаниатора у рояля. Были замечательные руководители художественной самодеятельности, приглашенные из театров и Киевской филармонии. По окончании этих внеклассных занятий мы, как правило, ожидали друг друга, чтобы в казарму приходиться вместе.

Пришло время летних лагерей. В этот год мы вторично выезжали на новое место. Броварские полигоны были закрыты в прошлом году, и организовывался новый окружной учебный полевой центр «Гончаров Круг» в Михайло Коцюбинском районе Черниговской области. И в этот год вторично мы двинулись по екатерининскому тракту в Чернигов пешим порядком. С половины дороги наши вещевые мешки были погружены на сопровождавшие колонну автомобили. В этом году марш оказался не таким утомительным.

Интересно, с точки зрения жителя двадцать первого века. Дорога, мощеная еще при Екатерине-2-й красным кирпичем, на ребро, елочкой, была в относительном порядке. Эта дорога вынесла и Первую мировую войну, и танки Второй мировой войны, и три десятилетия строительства Коммунизма. Таково было качество кирпича в незапамятные времена. Машины, как в попутном направлении, так и встречные попадались крайне редко. Ничто не мешало движению пешего строя. На привалах играл оркестр. Разворачивали кухню. Кормили горячей пищей. Каждый мог набрать себе во флягу сладкого чая. Привалы и остальные элементы марша соблюдались в строгом соответствии с уставами. Это описал повторно.

От моста через Десну и до лагеря было разрешено ехать на машинах. Многие, чтобы испытать себя продолжали идти пешком до самого расположения. Это не возбранялось.

Высланные накануне команды уже натянули палатки, и сразу по прибытии мы были распределены по палаткам, получили наволочки для подушек и матрацев, набили, каждый для себя привезенной для этой цели из ближайшего колхоза соломой, оборудовали для себя спальные места, согласно расчетов, застелили простынями, и был объявлен отдых до следующего дня. С прибытием играл оркестр, большинство уснуло сразу, через полчаса оркестр смолк.

На следующий день уже проводились плановые занятия полный рабочий день.

Место было прекрасным, в сосновом лесу, вернее, на его опушке, а дальше поле, и дальше в виду фронта и передней линейки небольшое озеро. И в воздухе огромная концентрация мошкар. Еще на зимних квартирах мы спросили у одного армянина, как дела в лагерях, куда он ездил на два дня с грузами снабжения, ответ был: «Харашо, только много рыбы. Понимаешь, маленький, но плохой рыба, в глаз лезет, в нос лезет, жопа лезет, сапаги лезет...». Действительно, часто можно было наблюдать такую картину – идет солдат, быстро идет, потом садится на землю, сбрасывает сапоги, портянки и начинает чесать зудящие ноги. Некоторые расчесывали до крови. А так, ничего, жить можно. Над строем солдат, над одиночным пешеходом – столб из мошкар. Тоже хочет кушать.

С нами приехали все преподаватели, они жили в отдельном палаточном городке. Однажды мы обратили внимание, что любимый нами полковник Кривонос не страдает от мошкар, и мошка его вроде и не трогает, облетает, и нападает на нас. Когда мы его об этом спросили, он рассказал о своей дореволюционной экспедиции с Арсеньевым в Уссурийскую тайгу и лучшим средством от мошкар, которое они применяли, является гвоздичное масло. И он его с собой всегда берет на полевые выезды.

Буквально на следующий день в Чернигов послали гонца и раскупили в аптеках имеющееся гвоздичное масло и в магазинах одеколон «Гвоздика». И этим были спасены. От строя курсантов сильно пахло гвоздикой, но мошкара нас не трогала. Вообще – же, это насекомое

не любит ветра и в ветреные дни мошара не досаждают ни людям, ни животным. С этого времени в нашем полевом магазине военторга всегда было вдоволь одеколona «Гвоздика».

Навсегда запомнились наши воскресные выезды всем курсом на отдых к речным пляжам у реки Десна. Уже до завтрака мы нетерпеливо ждали, когда подадут машины, грузовики, оборудованные для перевозки людей поперечными скамьями в кузовах, после завтрака строились, по команде рассаживались, возбужденно шумели, и, наконец, колонна выезжала к месту отдыха, марш небольшой, не более десяти километров, но хватало на две – три песни. Приехав, спешили, поспешно строились, выслушивали инструктаж по технике безопасности, раздевались. Все также в строю, в две шеренги, чтобы одежда и обувь стояли, лежали, аккуратно рядами, и после команды: «разойдись» расходились все в одном направлении, к берегу. Через минуту вода смешивалась с песком, поднятым со дна сотнями ног, но, по мере удаления вплавать человеческих тел от берега песок опускался на дно, и вода становилась прозрачной. Нигде более в реках я не видел такой прозрачной и чистой воды. Песчаные берега были тому причиной, ил, речной ил находился в других местах, там, где растут водные растения, и где нет движения воды. Исключение – реки и речки Сахалина, Камчатки, но там природа уникальная, речки горные, вода ключевая, пески вулканические.

И целый день, в том числе и часть вечера курсанты загорали, плавали, играли в спортивные игры, в импровизированный футбол между подразделениями, волейбол, устраивали соревнования по борьбе, перетягиванию каната, поднятию тяжестей.

Обед и ужин были организованы здесь – же, в полевых условиях, но к подобным мероприятиям повара училища были хорошо подготовлены.

Вернулись в расположение лагеря к построению на вечернюю поверку. И как – же было тяжело вставать наутро, но на зарядку в шесть часов выбежали все.

Интересными были занятия по ориентированию на местности, с преодолением большого количества преград, каждый курсант имел свое задание, все должны были пройти маршрут с десятком изменений азимута, но все в итоге, собирались через четыре часа в одной точке. Дальность маршрута была около десяти километров, с глазомерным определением расстояния каждого этапа. Двигаться приходилось почти бегом. В одном месте мы с Виктором Секотовым встретились, и, несмотря на то, что каждый имел свой маршрут, решили идти по одному из них, вдвоем. Так веселее и вернее. Проконтролировать нас можно было только на окончательной точке, и мы дружно выполнили задание, консультируясь друг с другом. И получили отличные оценки.

Два раза в месяц наш взвод заступал в караул по охране лагеря, техники и вооружения. Посты были круглосуточные. Смена караула происходила в шесть часов вечера.

Однажды мне пришлось стоять на посту возле палаток с секретной частью. В палатке рядом жили работницы секретной библиотеки. В расписание поста их палатка не входила, и это несколько оправдывало невнимание к этой палатке, в которой подночевывали любовники наших библиотечных дам. Надо сказать, что эти предусмотрительные женщины предупредили по смене каждого часового, во избежание недоразумений, ведь мы были вооружены автоматами ППШ с полным боекомплектом.

После одного из таких несений службы помощник командира взвода Иван Сердюков во время чистки оружия нечаянно выстрелил вниз, сзади себя, и попал в колено командиру отделения Вите Шерстобит. Это он так делал контрольный спуск, а патрон был в патроннике. Коленная чашечка пострадала, разделившись на три части. Оперировали. Срослось. Месяца три хромотал с палочкой. Училище Шерстобит закончил, против Сердюкова дело не возбуждали. Несчастный случай. Но мы все сильно переживали и за Шерстобита и за Сердюкова. Жаль, но за все сорок лет службы они не попадались мне на жизненном пути. Хорошие были товарищи.

На втором курсе у нас сменился командир роты. Майор Рожков ушел на повышение, его сменил Майор Горяинов. Если Рожкова все поголовно любили, то к Горяинову, небольшого роста и такого – же интеллекта вся рота отнеслась вполне пренебрежительно. Очень быстро он получил у нас кличку МД-4 (малый деревянный, как противопехотная мина). С этим именем он и выпускал нас. Может быть, следующие выпуски к нему восприняли уважением, не зная Рожкова. Уж очень они различны были по своему отношению к подчиненным. Командир – это личность неофициальная, это голова организма, который зовется «ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ». И так нас учил Рожков, и так мы старались поступать в практической жизни. А практической жизни нам досталось много. И все мы, вышедшие из-под учебного заведения, носящего гордое имя ККОУСА, служили с достоинством, и несли свой крест защитников Отечества с честью.

Зимний период обучения для нашей троицы стал одним из самых легких, мы уже усвоили большую часть программы и были в готовности к завершающей ее фазе.

К концу года количество учебных часов на один уменьшилось, а самоподготовка увеличилась. Сидя за одним столом, мы могли по очереди экзаменовать друг друга, экзаменуемый имел в руках всегда учебник, и мог исправлять ошибки отвечающего. Такое взаимное натаскивание себя оправдало, мы все трое сдали экзамены и зачеты успешно, без единой четверки. По первому разряду. Тогда это так официально называлось. И человек, закончивший училище по первому разряду, имел первоочередное право на выбор дальнейшего места службы. Значение не маловажное для будущего. Мы все трое выбрали Прикарпатский военный округ, и договорились встретиться в определенное время в отделе кадров округа, с Матвеем встретились, прибыли оба во время, указанное в предписаниях, и служили первые пять лет в одной дивизии, Виктор – же прибыл в отдел кадров с опозданием, и был назначен в другой гарнизон. Мы его в дальнейшем поддерживать не могли.

Так, или иначе, но каждый из друзей свои юношеские надежды с окончанием военного учебного заведения утерять. Надо было мириться со сложившейся жизнью, не надеясь на осуществление своих пристрастий.

Виктор мечтал о море, учился в училище флота в Мурманске, в призывной момент хотел поступить в военное мореходное учебное заведение, написал правду о своем отце, и не прошел мандатную комиссию. При поступлении в Самоходное училище он просто опустил коллизию 1937 года с отцом. И стал танкистом.

Матвей имел актерские способности, мечтал о карьере драматического артиста, но ему помешала графа в анкете по национальности. В училище такого вопроса не стояло, и дискриминация по вопросу национальности не присутствовала.

Мне не удалось закончить медицинский институт, я не стал хирургом, эта мечта была окончательно утеряна с окончанием училища и пришлось быть инженером.

У Матвея был брат. Они были близнецы. Аркадий. Тоже сумел попасть в нашу дивизию. Он окончил училище по снабжению ГСМ в г. Виннице. Но с Аркадием Матвей не имел постоянного контакта. Тому причиной была жена Аркаши, стерва великая. Она недолюбливала жену Матвея Асю. Хотя, Матвей и Ася создали хорошую семью. Имели двоих сыновей. Воспитали. Старший окончил институт во Владивостоке. Санитарный врач. Младший и его жизненное направление мне неизвестно. Мы потеряли связь на грани перестройки и развала нашего государства. Теперь все мы другие. Жаль.

Этот рассказ написан тринадцать лет назад, в 2005 году, да и я еще был молодым и «зеленым», мне было всего семьдесят четыре года. От безделья и отсутствия надежд на будущее писал. Пусть прочтут потомки, если нечего будет делать. Да и история нашей жизни (читай – государства), в этих воспоминаниях. По старой памяти продолжаю пользование компьютером, во времена, когда я вел непримиримую борьбу за внедрение в производствах вычислительной техники, и когда от начальствующих бонз получал недоверие моим идеям

и взыскания, слово «компьютер» в российском обиходе отсутствовало. Появилось. И системы, и программы, и скайпы, и прочее, умам прогрессивным семидесятих-восьмидесятих годов непонятное и недоступное. Мы, которые еще живы и все это познаем и имеем в пользовании, должны, обязаны благодарить всех Богов, и Христа нашего, и Адоная иудейского, и Аллаха мусульманского, и остальных пятерку, которые правят Миром и дали Нам дожить до сегодняшнего дня.

О дорогом друге МАТВЕЕ!

Взрослые, чтобы не сказать пожилые уже сыновья. Объясняя отцу, что такое поисковая система, согласились с его просьбой и набрали Огородников Вадим Зиновьевич, «Найти». И нашли в журнале «Самиздат», и этот, и полсотни других рассказов, и мой электронный адрес. Это через 33 года нашего с ним расставания, когда он убыл командовать войсками нашей Чукотки, а я был переведен в подмосковье. Потом на мои запросы на Чукотке, ни его запросы Хабаровска результатов не дали. А здесь СУДЬБА. Получаю на свою электронную почту письмо, короткое, из... Голивуда, США. И адрес, и вопросы, неужели жив, и помнишь, и свято верим оба до сих пор в святость Дружбы! А это, утверждено еще вначале этого повествования. Дружба понятие вечное, и, даже, круглосуточное!

Судьба его семьи сложилась по-особенному. Ушел на пенсию, еще при советской власти. К этому времени родители его жены уже длительное время жили в Киеве, и, конечно, как офицер, полковник Советских вооруженных сил, длительное время служивший в заполярье Матвей имел льготные права на получение жилья в любом городе СССР. Решили в Киев. Ближе к родным. Приехали, жилье получили. Оба сына к этому времени были довольно самостоятельные специалисты, с высшим образованием. Нуждались в работе. Пока в связи с переездом жили за счет единственной пенсии, папиной. И в десятках вакансий им обоим было отказано. Странно и смешно, и неприятно понимать – работы нет по национальному признаку. Два молодых, полных энергии и желания работать мужика не могут устроиться на любую работу по своим специальностям. Сродни катастрофе. Извинились перед родными, и, в качестве «беженцев» в 91 году мигрировали в Америку. Вполне оправданная и вынужденная эмиграция. Жизнь иногда заставляет...

Оба сына имеют семьи, дети у сыночек уже взрослые, и эти внуки Матвея уже имеют своих детей. Таким образом прадедушка и прабабушка были обречены не увидеть (да еще в условиях сегодня сдуревшей Украины) ни своих сыночек, ни внуков, ни правнуков. Полетели к ним, и уже живут там, более двадцати лет.

Мы с Матвеем продолжаем наши близкие, дружественные отношения, видим друг друга и общаемся по Скайпу. Сыновья в районе Северного Голивуда имеют свои дома, трудоустроены и, конечно, став гражданами Америки основным языком своим и понятиями культуры имеют русский, тому придерживаются и их дети. Правнуки с бабушкой и дедушкой имеют возможность общаться. О социальном состоянии стариков, даже из другой страны, (имеется в виду иммигрантов), стыдно писать. Жизнь обеспечена и материально и обслуживание медицинское на дому, и квартиры, и за инвалидами закреплены медицинские сестры – сиделки. Лекарства бесплатны.

Бердичев

Город на Украине, Житомирской области, и в сорока трех километрах от Житомира, на реке Гнилопять, известен в истории с 1545 года.

На крутом берегу Гнилопяти в 1627 году, рядом с корчмой еврея Бердича заложена крепость-монастырь (кляштор) рыцарей ордена «Босых кармелитов». Воинственные были монахи, но терпимые к торговле. Месторасположение в географическом плане было чрезвычайно выгодным. Здесь неминуемо проходили торговые миссии «из Варяг в Греки», и все, проезжающие по землям этого рыцарства платили владельцам территории немалую дань. Здесь, во избежание уплаты провозной подати Кармелитам начали селиться торговые люди со всего славянского мира, это дало возможность организации систематических ярмарок, рядом с крепостью, что тоже приносило в крепость немалый доход, в том числе и от операций по скупке товаров оптом и продаже мелким оптом и в розницу. Появился целый класс перекупщиков, находившийся под покровительством владельцев земель, сосредоточилось большое количество евреев, которых преследовали в христианском мире, особенно в городах Украины, да и всей России. Здесь, под патронажем католического течения Кармелитов им разрешалось жить и торговать, был построен костел внутри крепости, и он мирно уживался с соседством прилично отстроенной синагоги, правда, за пределами крепости.

Город разрастался, и уже к девятнадцатому столетию насчитывал около пятидесяти тысяч жителей. Большое количество верующих католиков заставило руководство города построить для мирян костел. Его построили вне крепости, на основном тракте, ставшем впоследствии главной улицей города в полутора-двух километрах от самой крепости.

Историческим фактом в этом городе, зафиксированным в биографиях великих людей, было венчание в Бердичевском костеле в 1850 году великого французского писателя Оноре де Бальзака со своей возлюбленной Эвелиной Ганьской. Это не помешало Советской власти снести верхушку костела и в его помещениях оборудовать склады, а позже – спортивный зал. Некоторые историографы утверждают, что после возвращения из Америки в 1908 году Шолом-Алейхем здесь, в тиши патриархальной еврейской провинции дописывал свой роман «Блуждающие Звезды», но это не доказано историческими документами. Пока. Других замечательных событий, касающихся самого города, здесь больше не было. Кроме того, что мне пришлось служить семь лет в танковом полку 41-й Бердичевской дивизии.

В трех километрах за пределами города, на шляху в сторону Винницы, как ехать через Лысую гору, в тридцатые годы был построен один из двух в Советском Союзе по амбициозному проекту, эллингов, для сборки и стоянки дирижаблей.

Лысой горой было названо место еще в Екатерининские времена, когда призывников со всей Руси брали налысо.

Эллинг помер вместе со смертью дирижаблестроения, но это место всегда было гарнизоном военных и навечно сохранило за собой название – Эллинг.

В Бердичеве в пятидесятых-шестидесятых годах двадцатого столетия было сосредоточено много войсковых частей.

На Лысой горе (в Советские времена – Красной горе) 41-я Мотострелковая дивизия 8-й Танковой армии, на Эллинге – учебный полк танковых специалистов, который выпускал ежегодно до трех тысяч командиров танков, механиков-водителей, и других категорий военнослужащих младшего звена.

В противоположном конце города, за крепостью и дамбой, перегораживающей Гнилопять, располагался большой аэродром, на котором базировались «Летающие крепости» – самолеты, оснащенные самым передовым вооружением того времени.

Фактически, эти три больших воинских соединения составляли около трети всего населения города.

Начальники

О командующем 8-й танковой армией ходили легенды. Да, в годы Великой Отечественной войны он сыграл свою роль в боях за Москву, он не жалел подчиненных, следуя планам, созданным оперативными отделами.

Мы уже были под впечатлением рассказа К. Паустовского о командующем армией, который по пути на крупные учения отклонился на самолете от маршрута, чтобы довести слепого старика до его приемной дочери, проживавшей на берегу Черного моря. Советские писатели, даже талантливейшие, для того, чтобы благополучно жить, должны были воспевать несуществующие качества Советского руководства, в том числе и военного. Впечатляло. Наворачивались слезы. Рассказ «Поводырь» мог обмануть в те годы своей человечностью любого, несведущего в действительностях и жестокостях нашей жизни.

В 1955 году Житомирской танковой армией командовал Лелюшенко Дмитрий Данилович. Смелый в боях, безумно нерасчетливый и с высоты своего положения не терпящий другого мнения, кроме своего, мракобес. Пообщавшись с ним, становилось понятным, почему наши войска терпели столько неудач, но он, уж неизвестно по каким показателям, по службе двигался безостановочно, уничтожая всех и вся, кто становился на пути его карьеры. О нем, офицеры, как Бердичевской, так и других дивизий говорили: «Наш дурак».

В 1956 году он был назначен командующим Забайкальского военного округа, его ненадолго сменил генерал Белик, на этом посту либерал и демагог. К осени 1956 года армией уже командовал по истине талантливый и человечный начальник Бабарджанян Амазасп Христович, который с нашей армией вошел в Венгрию, для подавления антиправительственного мятежа, а впоследствии стал Начальником Главного бронетанкового управления Министерства Обороны СССР.

Лелюшенко в период ВОВ был командиром мех. Корпуса, командующим 1-й и 3-й гвардейскими армиями, закончил свою службу в Москве, в почетной должности председателя ЦК ДОСААФ.

Основным развлечением и хобби командарма было издевательство и насмешки над младшими по званию и должности. Он мог встретить офицера на улице, приказать ему петь Гимн Советского Союза, или наизусть рассказывать обязанности солдата перед построением и в строю. Поощрял: «Громче пой, чтобы все слышали...»

Его эти чудачества были с успехом и преумножением переняты его первым заместителем генералом Гаркуша. Но о нем еще впереди.

Однажды, во время большого офицерского совещания в доме офицеров в Житомире командарму надо было обратиться к одному из офицеров, заслуженному и уважаемому в своей среде подполковнику. Лелюшенко, указывая пальцем в зал:

– Ты, военный, да не ты, а ты, который похож на рыбу, встань.

Встал подполковник, раненный во время войны в лицо, и, действительно, ему сделали в полевом госпитале операцию не совсем удачно, и своей конфигурацией оно могло напоминать хищную рыбу. Это хамство надолго стало причиной неуважения к командующему, а случай был растиражирован рассказами и сплетнями.

Два офицера, молодые лейтенанты, в субботу на воскресенье были отпущены из лагерей, дислоцирующихся под Житомиром, на Шумских карьерах, домой, на побывку к семьям в Бердичев. А это около сорока километров. Да по пересеченной местности по полигону – три-четыре. Вышли на большой, прямой тракт к вечеру. Темнело. Было около девяти. Машины в те времена в народном хозяйстве были редкостью, все гужевого транспорт. Ночью, почти без движения. Идут по пустынному шоссе, от нечего делать, рассказывают друг другу стихи. Здесь и Пушкин, и Лермонтов, и Есенин, и Байрон, и Виктор Гюго. Одним из персонажей дан-

ного эпизода был я, вторым – Николай Цвелодуб. Интеллектуальная личность. Мастер спорта по шахматам. Меня тоже памятью бог не обидел. В те времена я мог на память подготовить данные для стрельбы с закрытых позиций из тяжелого танка (122-мм пушка) и провести сострелку веера. Прошли километров пять, со стороны Житомира мелькнули яркие фары быстро движущегося автомобиля. Конечно, подняты руки. Голосуем. Поравнялся с нами, и вдруг остановился ЗИМ командарма. Конечно, растерянность. И вдруг, из салона автомобиля: «Куда путь держите, фраера? В Бердичев? Так нам по пути. Садитесь, а то скучно одному ехать. Хоть поговорим с молодыми лейтенантами».

Пришлось садиться, ведь это уже приказ.

– Ну, рассказывайте, где служите, что умеете, успехи в службе.

Доложили.

– А какие вы окончили училища, имеете-ли среднее образование, ну, ты, обращается ко мне.

– Какой предмет тебе в школе больше нравился?

– Математика, физика, все точные науки. Литературу люблю.

– По литературе мы еще поговорим. А сейчас скажи формулу квадрата суммы двух чисел.

Эту формулу я знал еще до школы, еще с тех пор, как ее мне растолковал в бараке в сорок втором году военнопленный капитан артиллерии. Ставертий Никифор Феодосьевич. Мы спали с ним на одних нарах и он ко мне относился, как к сыну.

Я продекламировал командующему нужную формулу. И он обращается к Николаю.

– А ты, какой предмет тебе больше всего нравился в школе?

– Я тоже любил математику, но еще хорошо знал географию.

– Вот мы с тобой и поговорим по любимому предмету. Скажи мне, какие станции от Москвы до Владивостока по правую руку, а какие по левую.

– Извините, товарищ генерал-лейтенант, я этим вопросом не интересовался, да и в учебниках этого не встречал.

Реакция генерала:

– Ну, дураков в попутчики бог послал. Говорить с ними не о чем. Шоферу-Останови машину. Вылазьте, с вами не интересно. Доложите командиру полка, что вы ни черта не знаете.

И высадил нас километров за двадцать от Бердичева. А было около одиннадцати часов, ночь. Попутных машин больше не было. Добрались до окраины Города к семи часам утра. Уже начали ходить автобусы. Старые, с одной дверью, на базе ГАЗ-51, дребезжат, но показались нам экспрессом.

Времени на побывку в семье оставалось до вечера, наутро в понедельник требовалось быть в строю, в лагерях. День поспали дома, под наблюдением жен и родных, а вечером, направились в Житомир с попутным транспортом, в кузове грузовой машины соседнего полка. Без происшествий.

Заместитель командующего армией генерал-майор Гаркуша был в противовес командующему разумным человеком, но хамство в нем преобладало. Очевидно, в те времена грубость и хамство были синонимами мужества и самостоятельности командиров высшего звена.

Гаркуша был хорошим хозяйственником, строил успешно военные городки, полигоны, лагерные линейки и другие атрибуты воинского быта. Работал много, идеи его изобиловали авантюризмом, использовались войска в качестве дармовой строительной рабочей силы, без капитальных вложений он пытался создать здания, сооружения, неизвестно за счет каких ресурсов, часто обманом местных властей и просто отдельных должностных лиц.

Рассказывали о нем истории, одна – удивительнее другой, но достоверным фактом было то, что под его руководством было создано из ничего Гаркушино море. На юго-востоке, в десяти километрах от Житомира, на берегу реки Тетерев, где он встречается с Гнилопятью, стояла небольшая деревушка Шумск. Маленькой эта деревушка стала уже после войны.

В исторических документах она упоминается, как центр торговли сельскохозяйственными товарами, домашним скотом, предметами ремесел. Шумские базары уже после революции прекратили свою торговую деятельность, что было связано с коллективизацией в сельском хозяйстве. С появлением колхозов, с раскулачиванием, экспроприацией продуктов с. хозяйства. Несколько оставшихся дворов были приписаны к деревне Гуйва, что на берегу речки Гуйва и вошли в состав колхоза. Три небольшие речки в небольшом регионе создавали уникальный климат, обеспечивали сельское хозяйство достаточным количеством влаги и были замечательным фоном для военных при создании естественного театра боевых действий во время учений. Сельское хозяйство в этом районе в результате целого ряда потрясений, как то революция, коллективизация, войны пришло в упадок. Поля были пусты и свободны от посевов.

Так деревеньку Шумск усилиями Гаркуши и решениями областного начальства удалось переселить на Житомирско-Бердичевский тракт в пос. Гуйва, а поля, деревни, с оврагами, протекающими речками и ручьями отошли под юрисдикцию военных и там разместились танкодромы, директрисы для стрельб из пушек и танков, поля для учений всех родов войск. Вот овраг, по дну которого протекала некогда полноводная речка Гнилопять, стали готовить к переоборудованию в море-полигон для танковых учений с преодолением водных преград и занятий на воде.

В те небогатые техникой времена в каждом полку для обеспечения хозяйственной деятельности имелось четыре-пять транспортных машин. Они подвозили продовольствие, овощи, картофель, белье солдатское в прачечную и обратно, боеприпасы, горюче-смазочные материалы для боевых машин, выполняли другие хозяйственные работы. Перевооружение армии еще было в зачаточном состоянии, сплошь да рядом на вооружении частей были автомобили времен Великой отечественной войны – Студебеккеры, Доджи, которые при возврате по Ленд – Линзу были утаены от комиссии, как боевые потери. Много было еще ЗИС-5, ГАЗ-51, ЗИЛ-150 с деревянной кабиной, командиры полков ездили на автомобиле ГАЗ-47 и, иногда на еще уцелевших Виллисах.

Конечно, командирам частей с такой техникой приходилось крутиться и изворачиваться для обеспечения ежедневных потребностей.

И, вдруг, как взрыв бомбы – директива из штаба армии: «направить в распоряжение командира Житомирского полка, который назначается ответственным за строительство полигона, от каждой части 50% транспортных средств, имеющихся в наличии, два танковых тягача от каждого полка, два автокрана, или танковых кранов, по десять строевых машин снять с длительной консервации и перевести в группу транспортных машин за счет общего лимита километража. Здесь начался плач командиров частей, особенно жаль было отпускать от себя транспортные автомобили и средства обслуживания: – бензовозы, летучки, сварочное и прочее оборудование, чем жили повседневные заботы полков и отдельных батальонов.

Начался рабочий период 31-й Хмельницкой и 42-й Бердичевской дивизий. Команды надо было исполнять немедленно, если выходила из строя одна машина – на ее место сразу, в течение суток должна была прибыть во главе с сопровождающим офицером другая, способная выполнять те же задачи. Директивы и распоряжения шли по телефонам, засекреченной связи, через посыльных. Исполнялись без промедления.

Силами этой техники и еще пятисот солдат рабочей команды, опять же сформированной на базе Богунского 102-го полка, дислоцированного в предместье Богуня, началась грандиозная работа по обустройству танкового полигона в направлении населенных пунктов Деньши – Шумск – Высокая Печь – река Гнилопять. Первоначальный замысел перегородить реку Тетерев не был поддержан областным руководством и получено приветственное одобрение по строительству дамбы в овражной зоне, не доходя десятков километров до впадения Гнилопяти в Тетерев. Проект, которого не было на бумаге, и никем не рассчитанный оказался на редкость удачным и перспективным для обеспечения военных учений, устройства препятствий

для преодоления танками водных преград и машинами других категорий. Не говоря уже о возникновении в районе большого водоема, сохраняющего большое количество воды, создающего отличные условия для орошения полей.

Солдаты долбили гранит, взрывным способом добывались его крупные глыбы, потом вручную кувалдами долбили на более мелкие фракции. Заготовлены были сотни и тысячи кубометров гранита. А в это время танковые бульдозеры (БАТы), БТМ, ы (Большие траншейные машины) и другая техника пробивала поперек реки траншею шириной более ста метров, чтобы обеспечить гать дамбы. Работали в три смены. Командиры частей были обложены данью, чтобы обеспечить рабочим командам дополнительное питание. Как сказал на совещании командирам частей генерал Гаркуша, – «Создайте рабочим командам такие условия, чтобы не только солдаты, но и офицеры, и сверхсрочнослужащие стремились туда попасть. Офицерам и сверхсрочнослужащим платить не полевые, а командировочные, что в три раза дороже, и кормить, кормить...»

Командиры всех частей Армии, придя утром на службу, со страхом ждали доклада дежурного по части, вдруг, новая директива, или распоряжение, или сломалась техника. А дамба упорно с двух сторон приближалась к руслу реки, а, пока, действовал старый мост и брод. Тяжелая техника на гусеничном ходу преодолевала речку вброд, рядом со старым мостом. Прямо на территории будущего полигона, недалеко от места работ был разбит жилой лагерь со всеми атрибутами полевого лагеря. Командирам полков и отдельных батальонов было велено ежедневно проверять внутренний порядок в расположении своих рабочих команд и выполнение ими суточного задания. Части, не выполнившие дневного задания, получали разрешение на сверх урочную работу дополнительным составом людей части и это вызывало целую цепь сложностей по доставке людей к месту работы, их питанию, обеспечению инвентарем и т. п.

Генерал постоянно лично присутствовал в местах работ. Лично, в любую погоду, в рабочем комбинезоне, на стареньком Виллисе он колесил между строящимися вышками, танковыми препятствиями, карьерами по добыче гранита, строящейся дамбой. Многие офицеры младшего звена по – началу не знали его в лицо, но постепенно стали узнавать, не по лицу и форме, а по резкому поведению, и даже старались уклониться от встречи с ним.

Из личного опыта: веду взвод из сорока человек к месту работы. Обгоняет обшарпанный Виллис, останавливается, из машины выходит пожилой человек, худощавый, без головного убора и каких либо отличительных знаков.

– Куда путь держите, служивые?

– На карьер. Отвечаю.

– Ты, троглодит, почему не докладываешь, по уставу?

– Простите, я не знаю кто Вы.

– Эйзенхауэр, мать твою и т. д. (Отборный мат, достойный обязательного запоминания).

Опаздываешь со своей ордой на работу. Ну-ка, бегом!

Мне в это время подсказал пожилой сверхсрочник: – это генерал Гаркуша.

А генерал:

– Я приказал, бегом.

И пришлось дать взводу команду: «бегом марш». Впрочем, машина с генералом уехала, а мы перешли на шаг, к месту работы не опоздали. Предположение генерала о нашем опоздании было обычной придиркой. Нас ждали тяжелые кувалды для дробления камня. Следует сказать, что месторождения, уникальные месторождения натурального гранита в европейской части СССР находятся в районах Житомирской области, а карьер, который в районе Бердичева, до сих пор гордится тем, что в свое время получил заказ на изготовление ступеней для крыльца Университета на Ленинских горах.

О кувалдах. Их катастрофически не хватало, и двухкилограммовых молотков не хватало. Поэтому большие команды солдат вынуждены были одними и теми же кувалдами работать

по очереди, что значительно снижало производительность труда. Я вспомнил свои юншеские годы, когда работал в кузнице учеником, но уже и самостоятельно мог сделать простейшую подкову и поковку лошади. Во время одного из докладов командиру полка предложил попробовать изготовление кувалд из старых танковых траков, командир ухватился за эту мысль, отправил меня в тот же день в Бердичев заменив меня другим офицером, и уже через два дня мне с одним солдатом, казаком по национальности, удалось выдать первые кувалды. Правда, сталь, из которой изготавливались танковые траки, была очень мало ковкая, это ст. 65Г, марганцовистая, но мы приспособились, и, несмотря на сложности, обеспечивали всю стройку, а мне повезло, что я жил с семьей в городе, а не на полигоне.

Уже лето 1956 года было ознаменовано окончанием работ по оборудованию всего полигона. Лагсбор проходил уже в полностью оборудованном лагере и с хорошим полигоном. За исключением Шанхая. Шанхай!

В летние лагеря сразу после майских праздников, было принято выезжать всем войскам Советского союза и проходить летние программы обучения до конца октября. Практически, полгода женатые военнослужащие должны были обходиться без семьи, а природа такова, что, не желая, в свободное время молодые здоровые парни, а с ними и нехилые «женатики» должны были изобретать развлечения в близлежащих деревнях, не всегда целомудренные и безобидные. Девчат, да еще молодых вдовушек после войны, было предостаточно, а с окончанием лагерного сбора целыми деревнями приходили девки прощаться со своими воздыхателями. Бывали и шумные прощания, и скандалы, некоторые, самые отчаянные хохлушки приезжали для разбирательства на зимние квартиры.

Потихоньку, под воздействием политработников стали разрешать офицерам привозить с собой семьи и становиться на квартиры в ближайших населенных пунктах.

Вдоль Тетерева, в трехстах метрах от территории, официально отведенной под лагерь, был красивый лиственный лес, где росли деревья и кустарники, характерные по своей природе для данной климатической полосы.

В этой лесополосе постоянно проходили свидания военнослужащих всех категорий с красавицами ближайших населенных пунктов, да и окраин Житомира. Как в летних лагерях, много крат описанных при деревне Малиновка, близ Чугуева, на берегу Северского Донца.-«На горе стоит Чугуев, а под ним Осиновка, а проедешь еще дальше – триперна Малиновка».

Со времен Потемкинских поселений Малиновка поставляла войскам солдат, а, возвратившись из многолетних походов, эти солдаты привозили в свою деревню экзотические болезни. И до сих пор, длинная улица имеет адресацию-Первая сотня, Вторая сотня, Пятая сотня, и, даже Двенадцатая сотня. Каждый двор имел свой номер в сотне.

На берегах Тетерева происходило, как в Малиновке, один к одному. От любви никуда не денешься, особо, если такая нехватка мужчин в населенных пунктах, да и женщин в лагерях не густо.

Никто уже не вспомнит первопроходцев, но однажды в лесу появился хорошо обустроенный шалаш, крытый рубероидом, в нем поселилась семья капитана, а через неделю в том лесочке было построено более десятка домиков из подручных материалов, размером три на три метра. Эти домики являли собой строения из разобранных фанерных ящиков, картонных коробок, отходов пиломатериала, применявшихся при оборудовании солдатских палаток, крыши были покрыты обрывками рубероида, разрезанными автомобильными камерами, и, о боже, кто-то догадался покрыть марлей и покрасить специальной краской-пленкой, предназначенной для коконного длительного хранения танков. Такой способ заключался в том, что танк обрачивали бязью или марлей в несколько слоев и наносили пульверизатором слой специальной краски, быстро застывающей и превращающейся в непроницаемую для влаги пленку. Краска поставлялась в войска нескольких цветов, и, вскоре, городок, покрытый такой пленкой, стал

представлять собой ярко раскрашенный всеми цветами радуги живописный участок, который кто – то метко назвал: «Шанхай». В эти домики быстро вселились жены с детьми, зашумели в лесу примусы, завоняли керогазы, у каждого домика возникли столики со скамейками, запищали маленькие детки, забегали по всему лагерю детки постарше. Дивизионный «Тренажер», кухонная рабочая Надя, вынуждена была перенести место своих любовных встреч с желающими солдатами потренироваться во взаимоотношениях между полами – на триста метров дальше, вдоль реки

Командиры частей не знали, что делать с этими поселенцами, все было несанкционированно. Начались жалобы на опасности для детей. Жаловались, в основном, матери разгулявшихся мальчишек, отголоски скандалов дошли до генерала Гаркуши. Его приезд не заставил себя долго ждать. Он обошел весь городок стихийно возникших домиков, и его решение было самым неожиданным.

- Все домики выровнять в геометрически правильные улицы.
- Помочь желающим офицерам и сверхсрочникам материалами, досками, рубероидом, выписывать без каких-либо наценок.
- Спланировать Шанхай таким образом, чтобы против каждой части жили ее офицеры.
- Ответственность за порядок в офицерском городке в пределах своей части несет ее командир.
- Назначить коменданта городка из сверхсрочнослужащих старшего возраста, который обязан организовать порядок во всем городке, о всех нарушениях общественного порядка он должен докладывать коменданту лагеря.

– На территории офицерского городка установить патрульный пост.

Шанхай с этого момента приобрел статус официального, хотя, каждый год областные власти пытались не допустить его разрастания. Все – таки, в Области он был неофициально захваченной территорией. Многие предпочитали жить на съемных квартирах у селян, хотя и там бытовые условия определялись отсутствием водопровода (общественный колодец), часто электричества, отсюда и другие бытовые сложности. В пятидесятые годы подобные селения типа «Шанхай» стали резко разрастаться во всех лагерных сборах Вооруженных сил.

Надо сказать, что выезд войск в летние лагеря с лета 1957года прекратился, была введена несколько отличная система полевого обучения. Стали оборудовать учебные центры, в которые выезжали подразделения и части круглогодично, по специальному графику. На полигонах были возведены казарменные здания, и круглый год в них жили по-батальонно и занимались обучением в условиях, приближенных к боевым.

Городки на полигонах строились, опять-таки, хозяйственным способом силами самих войск. Здесь я окончательно понял, что значит воинская неорганизованность и работа при большом количестве нерешенных вопросов, инженерных и организационных. Хорошая школа.

Привезли нас на полигон. Проведена борозда, определяющая переднюю линию строящихся объектов. Всего надо было построить: казарму, одноэтажную на батальон солдат, здание для размещения штаба батальона с помещениями для проживания офицерского состава, медицинскую часть, столовую, здание, для размещения учебных классов, тыловые службы и пр., все в одну линию.

Моя рота получила задание выкопать фундамент для столовой. В штабе полка инженер полка вручил план фундамента и сказал: «идете вдоль борозды, где табличка с надписью «столовая», там копать.

Нашли табличку. Приняли ее за центр здания, при помощи артиллерийской буссоли сделали разметку, начали копать. Шестьдесят человек дружно работали весь день. В конце дня пришел инженер и сказал, что табличка-это центр задней стенки. Засыпай!

Засыпали с неохотой, на следующий день работали в пять раз медленнее. Так этого мало. В тот же день, тот же инженер принес радостную весть, что колышек – это правый задний угол,

надо сдвинуть все сооружение на двадцать четыре метра. Но фундамент оставили по второму варианту. Поскольку соседние фундаменты еще не начинались, разрывы между зданиями удалось соблюсти.

А какое удовольствие строить здания без чертежей и детализовки! Были только фотографии и размеры в плане. Обмучаешься и обхохочешься. Но все же построили. Без привязки.

Панков, Бордюжа и другие

С первых дней службы мне досталась должность в 103 танко-самоходном полку командиром взвода самоходных установок. Командиром полка был подполковник Панков.

Полк находился в состоянии передислокации из поселка Мирополь в Бердичев, на Лысую (Красную) гору. Среди офицерского состава – разброд и шатание, более половины кадровых военнослужащих на тот момент увольнялись по решению правительства о первом сокращении Вооруженных сил – Шестьсот тысяч человек. «Показуха» – говорили многие. В те времена чудачествовал Хрущев, и «ломались дрова», а с ними люди и их судьбы. А полк надо было передислоцировать, но работать уже никто не хотел. Почти полная деморализация. Не было желания к труду и у командования полка.

А построение полка вставало в строй не более полутора сотен человек при списочном составе около четырехсот.

Командир полка свирепствовал, держать в руках разложенное сверху войско было непросто, да и образования, и такта, и умения управлять людьми не хватало. Грубости и хамства хватало. В разговоре с подчиненными он не говорил, а рычал, не отдавал распоряжения, а оскорблял, и уже не хотелось подчиненному выполнять его приказы. И это обращение с людьми, которые должны были по поставленным задачам ежедневно работать по двенадцать и более часов.

Пришла директива о скадрировании полка. Это когда 100% боевой техники и техники обеспечения есть, командование имеется, а солдаты – только в случае войны. Всю работу по содержанию техники в боевом состоянии выполняют сверхсрочнослужащие и офицеры. Потом разрешили отдельной директивой иметь на каждый танк одного члена экипажа, или командира танка, или механика – водителя. Стало намного легче. Каждую машину на новом месте надо было обслужить, вылизать и подготовить к длительному хранению. Это была титаническая работа для одного человека. Отдельные операции приходилось выполнять объединяясь. Но сроки были поставлены. Надо было выполнять. Переезд производился на небольшое расстояние, но громоздкость перевозимого имущества и ограниченность в людских ресурсах (многие были уволены, а многие ждали приказа на увольнение и не хотели ничего делать) создавали сложности и для руководства и для исполнителей.

Командир полка, теперь я могу судить с позиций прослужившего много лет, просто не умел руководить, не умел обращаться с людьми. Да и сам очень боялся увольнения, а, значит, боялся принимать решения. По малейшему вопросу, даже касающегося компетенции ротного звена, надо было обращаться к нему лично. Примером может послужить моя личная необходимость в рабочее время отлучиться со службы чтобы забрать жену из родильного дома. Обращаюсь:

– Товарищ подполковник, лейтенант Огородников, разрешите обратиться по личному вопросу. У меня есть необходимость сегодня отсутствовать на службе, так как я должен забрать жену из родильного дома.

– Так она у тебя не умерла, а всего лишь родила. Нехер их баловать, сама доберется до дома.

– Товарищ подполковник, все – таки-есть необходимость ей помочь. Разрешите отсутствовать часа четыре.

– Ладно, вот тебе три часа, и по прибытии доложишь мне лично.

Я, конечно, в три часа не уложился, и прибыл в полк через четыре с половиной часа, но на мое счастье не пришлось оправдываться, так, как его в полку на тот момент не было. А дочь я смог рассмотреть только к вечеру.

Мне повезло, через полгода я был переведен в 64-й танковый полк, полного состава, были и приличные командиры, и умные люди, и подчиненные, с которыми надо было строить отношения.

В новом полку совершенно по-другому строились отношения между старшими начальниками и подчиненными, и в том, конечно, основная заслуга командира полка полковника В. Федерякина. Совершенно другой стиль, другой человек, Другой, казалось, Устав внутренней службы. Опытный руководитель, зрелая личность.

Командир батальона, подполковник Бордюжа бывший многолетний штабист, ставленник ВКП (б), от своих корней, кто то из его родных был партийным боссом, и этот военный был направлен в линейные войска, на войсковую должность, чтобы в послужном списке было записано что он служил в линейной части и имеет опыт командования людьми. А опыт у него на тот момент был меньше, чем у меня, молодого лейтенанта. Его команды по любому поводу, по меньшей мере, вызывали улыбку, а практических понятий о нуждах солдата не было вовсе.

Когда Бордюжа попадал в танк, он терялся настолько, что не мог ни пользоваться картой, ни командовать ротами, не мог вразумительно дать команду своему механику – водителю куда двигаться. Нередки были случаи, когда в процессе марша, он, как Чапаев, мог умчаться по дороге от своих войск вперед, не зная куда, заблудиться, а потом искать, куда делись его роты, забывая эфир истерическими вопросами о топографических данных нахождения подчиненных, своих данных, и плутая еще больше.

В одном из своих откровений дома, о Бордюже я сказал жене, что командир нашего батальона настоящий засранец. Я не обратил внимания, что рядом была трехлетняя дочка, Леночка. Через несколько дней, в выходной, мы пошли с ребенком гулять, навстречу попался командир батальона, и Леночка спрашивает: «А это кто?». Я ответил – «Это дядя Бордюжа». «Засранец, да?» – Была реакция дочки.

Вот, что значит не контролировать свои слова при детях. Ведь она еще не знала значения этих слов, но могла быть неприятность.

Прошло не так много времени, может быть года полтора, и Бордюжа был выдвинут на престижную должность, в штаб округа, во Львов на категорию – полковник, с характеристиками исключительно положительными, с утверждением, что он-де знает нужды подчиненных, прекрасно владеет ситуацией, практически умеет применять уставы и наставления Советской армии, и прочие дифирамбы, для обеспечения его роста по службе. Все это мне удалось прочесть, будучи дежурным по полку, присутствуя при печатании этого материала машинисткой во внеурочное время. Требовалось очень срочно.

Мне удалось в этой дивизии прослужить в должности командира взвода семь лет. И это самый длинный срок без движения по службе только за то, что в свое время не бросил учебу в гражданском ВУЗе по требованию командира дивизии. Комдивом был младший из Радзиевских. Человек желчный, злопамятный, полтора метра ростом, и ненавидел всех, кто выше него даже на один сантиметр.

Институт

Прошли торжества по случаю выпуска из военного училища, на свадьбу приглашен был весь взвод, но поехали со мной в Бердичев к моим родителям только два постоянных верных друга Матвей Безиновер и Виктор Секотов. Остальные, естественно, в момент разлетелись по своим городам, деревням, станицам, всем хотелось быстрее похвастаться блестящими офицерскими погонами, своим импозантным видом бывалых вояк и завидных женихов. И простиительно им, не многих пришлось на дорогах жизни потом встретить, но каждый раз эти встречи носили характер дружеский, характер братского тепла и верности. А в то время каждому было дело только до себя. Как Грушницкий из «Героя нашего времени», «Ах, звездочки, путеводительные звездочки...», так и мальчики, с которыми пришлось учиться и переносить тяготы и лишения первых лет воинской службы.

Родители уже готовились встретить большую компанию моих соучеников, было некоторое разочарование, но всем было понятно, свадьба была серьезной в силу возраста гостей, поскольку не было возможности пригласить молодежь, ведь выпуск был в сентябре, мы расписались 27 числа, а приехали к отчому дому тридцатого. Все знакомые молодые люди в это время уже убыли к местам своей учебы или работы. Но свадьба есть свадьба, хотя она и прошла в спокойной манере, но предвещала спокойную верную жизнь без бурь, и излишних семейных перипетий. На следующий день к вечеру, мы проводили Матвея и Виктора, Виктора, к сожалению, уже навсегда. Больше его не пришлось встретить, а лет через двадцать пять я узнал, что он погиб от руки хулигана, у себя дома, впусив убийцу с самыми благими побуждениями. С Матвеем нам пришлось еще неоднократно встречаться, помогать друг другу, его семья всегда была дружна с моей семьей.

У моей молодой жены ведь, была командировка в Киев, и здесь мы решили пожениться, наше знакомство и женихание уже длилось много лет, и в Киевском ЗАГсе нас расписали со сроком на обдумывание этого поступка в пять дней. Но нам хватило, и на всю жизнь. Ей нужно было ехать в Кишинев к месту работы, чтобы отчитаться по результатам командировки, так, что мы не очень много времени провели в родительском доме, и через пару дней выехали в Кишинев.

Мой послеучилищный отпуск и медовый месяц проходил в условиях красивой Молдавской осени, когда красными листьями покрыты все дома, обвитые виноградом сорта Лидия или Изабелла, а сады отдают свой урожай. И в воздухе, это без преувеличения, пахнет бродящим молодым вином, даже на окраине городов. Если же въехать в молдавскую деревню, то пьяный воздух до того насыщен винными парами, что кажется, ты находишься в винодельне. И чем ближе к крестьянскому дому, к любому, этот запах все гуще, и жмых виноградный отдают скоту, (В Грузии мастерят «чачу», крепчайший напиток не столько своим спиртовым, сколько сивушным содержанием, а запах!) и свиньям, и курам, и на третий день этот жмых уже бродит, и вот уже пьяные петухи поют не ко времени, и свинья может спьяну воткнуться мордой в землю, да так и уснуть до протрезвления, и коровы, кажется, дают хмельное молоко, да кони рвутся из своих оброек. Такова Молдавия осенью, родина моя.

В Кишиневе, в городе, где прошли студенческие годы моей молодой жены, конечно, было – бы грехом, не продолжить свадьбу, ведь «наша Ирка вышла замуж», говорили ее сокурсники, а вечеринку зажала? Не зажала и была вечеринка, присутствовали ее друзья, соученики и сокурсники, ее сестра, мои родные дядя Павлик с женой и тетя Таиса с мужем. Но эти представители старшего поколения, подвыпив, ушли, а молодежь, как сейчас говорят, тусовалась до утра. На следующий день мы были в гостях у дяди Павлика, и тетя Таиса была, и ее муж дядя Миша. Когда уже подпили, дядя Павлик вызвал меня на разговор:

– Ну так что ты закончил и какая у тебя специальность?

– Я закончил Киевское Краснознаменное Объединенное училище Самоходной Артиллерии.

– А дипломы вам выдавали?

– Да, выдавали, он и сейчас в сумочке Иры.

– А ну покажи

– Что – ж хорошо, красный, с отличием, техник – механик по ремонту и эксплуатации автомобилей и тракторов. А в какой институт ты поступаешь?

– Я не поступаю, через несколько лет, если служба пойдет благополучно, буду поступать в военную академию.

– Не думал, что ты дурак. И сейчас не думаю. Имеешь красный диплом, имеешь право с этого года без экзаменов зачисляться в любой технический ВУЗ, и собираешься ждать «Несколько лет». А сколько лет ты думаешь жить вообще? Ведь каждый год, это год. И его не вернешь.

– Но я еще об этом не думал. И не собирался поступать в гражданский институт это, наверное надо на вечерний, или заочный.

– Отлично, вроде начинаешь думать. Думай до утра, а утром иди в Сельхозинститут, на факультет механизации и электрификации, там в коридоре для таких, как ты висит большое объявление.

На том разговор был закончен, и был – бы забыт, если – бы на следующее утро моя жена не спросила: «так, когда ты собираешься в институт сбегать? Я сейчас должна идти на работу, у тебя весь день свободен».

И сбегал, и после прочтения объявления о том, что лица, имеющие среднее образование и диплом с отличием принимаются без экзаменов, только собеседование.

Здесь – же зашел в деканат заочного отделения, и сразу сдал диплом, был зачислен в списки абитуриентов и назначен день собеседования по математике. Справку с работы согласились присовокупить к диплому (его копии) после отпуска, я обещал прислать письмом. И начались волнения и сомнения, а пройду – ли я собеседование.

Дома я доложил обстановку, позвонил дяде Павлику и сообщил ему, что написал заявление и сдал документы. Заслужил его похвалу за оперативность, и стал готовиться к собеседованию. Собеседование через два дня, во главе комиссии профессор Свирский, бывший эмигрант, вернулся из—за границы пару лет тому назад преподавал высшую математику в одном из университетов «Запада». Ничего не произошло, задачка попала с простейшим решением тригонометрических функций угла, это было повседневным занятием в училище по предмету стрельбы с закрытых позиций. Свирский даже удивился, сказав комплимент в адрес преподавателей военного учебного заведения, и живо интересовался каковы примеры решения задач в артиллерии. Ему пришлось рассказывать и основы закрытых позиций и порядок наведения пушек на цель. «Это очень интересные примеры, думаю, что в процессе учебы мы с Вами будем еще обсуждать эти вопросы, а пока могу только приветствовать желание продолжать образование. Многие абитуриенты вообще не слышали о существовании тригонометрии, а жаль». Так была поставлена точка в моем поступлении в институт. Надо было еще предоставить справку с места работы, и это место должно быть в сельскохозяйственном секторе. Заскакивая в недалекое будущее, опишу порядок получения справки из Бердичевского сельскохозяйственного техникума. С места предполагаемой работы.

Директор техникума, огромных габаритов мужчина, с усами Тараса Бульбы, встретил меня довольно приветливо, еще не зная вопроса, по которому я к нему пришел. Его рука, ладонь которой сплошь была покрыта мозолью, была таких размеров, что когда он поздоровался, то пришлось в его ладони почувствовать себя маленьким мальчиком.

– Ну, слушаю, вас товарищ военный.

– Я поступил учиться в Сельхозинститут. Факультет механизации. Имею навыки в управлении всеми видами гусеничной и колесной техники. Готов согласиться на любую работу в вашем техникуме. Могу вести теоретический или практический курс, на полставки. Но мне нужна справка с места работы.

– Соппротивление материалов и детали машин знаете? Знаком в пределах Вашей программы.

– А какой стартер у трактора С-80?

– Там не стартер, а пускатель.

– Ну, хорошо. А как мы с вами устроимся в расписании, ведь занятия проходят в дневное время, а для этого надо быть свободным.

– Можно ориентироваться на вечернее.

– Сделаем по-другому. Я вижу, что тебе не нужен заработок, а нужна справка. Ты согласен, чтобы за тебя занятия проводили другие преподаватели, а ты только расписывался за получение денег?

– Конечно, согласен.

– Тогда давай, приходи через неделю, мы включим тебя в расписание, издадим приказ о зачислении на работу, и будешь каждого восьмого числа ежемесячно приходить и расписываться в денежной ведомости.

На том и порешили, придя через неделю, я расписался в двенадцати пустых ведомостях, получил нужную справку, и больше мы никогда не виделись.

Учеба в институте, на заочном факультете дала большую закалку и научила правильно преодолевать трудности непонятных тем и наук. В процессе учебы пришлось контактировать с людьми самых разных уровней и знаний и общественного положения.

Здесь были и мамы сынки, не пожелавшие в свое время учиться на стационаре, и работники сельхозтехники, нуждавшиеся в повышении своего уровня, и директора совхозов и председатели колхозов – миллионеров, которым необходимо было получать высшее образование для общественности. Был даже один депутат Верховного совета, который учился уже двенадцать лет и появлялся только, когда ему необходимо было дать очередное интервью с места учебы. Вот, какой передовой депутат. Но с нашей группой он все же завершил свое образование.

И с октября месяца у заочника время пошло. Первый курс был закончен по всем показателям, и со сдачей экзаменов к весне, т. е. За шесть месяцев, и был расчет к осени 1956 года закончить второй курс, но обстоятельства выше нас. Осенью начались венгерские события, а за три месяца до начала этих событий отпуска были запрещены, и это сыграло свою роль, пришлось продолжать учебу в своей первоначальной группе, и молить судьбу, чтобы дальнейшее продвижение в учебе не было задержано непредвиденными обстоятельствами.

На сессию за второй курс слетелись некоторые заранее, поскольку не осилили письменные задания и доделывали эти хвосты, не отрываясь от института и преподавателей. Все – же ряды слегка редели. Многие бросали учебу, не выдерживая напряженного графика. Из двадцати восьми человек, начинавших учиться в группе, к концу второго курса дошли семнадцать. В процессе общения с сокурсниками возникали дополнительно знакомства, прямо не относящиеся к делам студенческим, но влияющие на них значительно. Это лояльные преподаватели, ассистенты, лаборанты, друзья их и друзья друзей.

Мы все с обожанием относились к профессору Свирскому, и не только, потому, что он относился к заочникам, как к уже сложившимся личностям и специалистам, но и за его артистичность в преподавании своего, казалось—бы очень не живого для сельхозработника материала. Завораживала манера его поведения на лекциях, причем лекции его посещали не только студенты группы по программе, но и студенты, не имеющие отношения к данной теме. Вот, например, он объясняет порядок решения дифференциального уравнения. Быстро

пишет левой рукой условия задачи, а правой, параллельно, пишет ответ, да не просто ответ, а с конца, с последнего математического символа, когда руки встречаются, он двумя руками ставит знак равенства. И все настолько увлечены процессом написания с немыслимой и не поддающейся обычным понятиям координацией движения, что никто не воспринимает сути самой формулы.

– Понятно?

– Вижу не понятно, сотрем для ясности, и стирает написанное, своим рукавом, и начинает медленно, вразумительно, с обсуждением каждого знака и действия, вроде с помощью аудитории, пока не убедится, что поняли все и можно переходить к следующему примеру.

Все очень боялись общения с профессором Зальцбергом, который по нынешним временам никак не мог считаться профессором, не защищал даже кандидатской диссертации, окончил в тридцать восьмом году институт «Красной профессуры», и стал преподавать сопротивление материалов, наизусть декламируя многие годы учебник Беляева. Так вот этот Зальцберг требовал от студентов дословного пересказывания учебника, и практическое решение задач сопромата ему было безразлично, с ним по этому поводу входили в конфронтацию все работники кафедры, но спорить с его партийным билетом и многолетней практикой «красного профессора» было бессмысленно. Ему было уже далеко за шестьдесят, но он был женат на тридцатилетней балерине Одесского оперного театра и жил постоянно между Одессой и Кишиневом.

В день, предшествующий нашему экзамену, он получил из Одессы в позднее время, не без нашей помощи, вечером телеграмму: «Приезжай срочно, Мина». И Зальцберг, не имея с женой телефонной связи, да и в это время она еще не возвратилась домой после спектакля, помчался в ночи к жене в Одессу. А утром, довольные его отсутствием, студенты нашей группы пришли сдавать экзамен по сопротивлению материалов другим преподавателям. Я во все времена, по всем предметам шел сдавать первым. Так было и в этот раз. Заканчиваю отвечать, делается запись в зачетке, дверь открывается, и входит профессор Зальцберг. Близкое расстояние между Одессой и Кишиневом им было преодолено на такси, ради добросовестной работы за ночь дважды. Остальная часть группы сдала на тройки и двойки. И долго потом мучились с пересдачей.

Детали машин, теория механизмов и машин, черное и цветное металловедение, Графика и черчение, химия и физика, все эти науки первого и второго курса можно было сдавать в других вузах, и я частично их сдавал в Бердичевском педагогическом институте, что освобождало меня от ряда занятий во время сессии. Да, вот детали машин и ТММ все-таки сдавались в Кишиневе. Да машиностроительное черчение и графику я сдавал Валентине Ивановне Демиховской, заместителю заведующего кафедрой в Кишиневском институте. Зав кафедрой был дядя Павлик, но он говорил, что не вмешивается в мою учебу. А, конечно, вмешивался.

Валентина Ивановна в тридцатые годы заканчивала с дядей Павликом институт, как и ее муж Трубников Аарон Борисович. Замечательная была семья, дружно жили, имели двоих детей, сына, Леонида, и дочь Ирину. Хорошие послушные дети, оба окончили наш сельхозинститут, Леонид за непродолжительный срок стал доктором технических наук, «Ирина тоже родила двоих детей». Они всей семьей систематически бывали в доме Лукашевичей, в эти дни тетя Галя старалась приготовить что-нибудь сибирское, или вообще экзотическое. Она часто говорила, что «мой ресторан закрывается в двенадцать ночи». Гостей в этом доме любили, и гости были всегда, пока позволяло здоровье. Где то в пятьдесят шестом году Ната, дочь Лукашевичей и моя двоюродная сестра вышла за муж за Абашкина Вову, сокурсника своего, прожили они не многим более двух лет, но не сложилось... Второй ее муж Худолый Алексей положительнейший человек, тоже работал в сельскохозяйственном институте занимался наукой, но в силу своей организованности был всегда горазд к любому делу. Младший сын Наты и Алексея и по настоящее время живет в одном доме с родителями, в квартире ушедших из жизни дяди Павлика и тети Гали.

Ната в свое время «остепенилась» и тоже преподавала в институте, была универсальным специалистом.

А был еще преподаватель теплотехники, Алекпер Ибрагимович Алиев, азербайджанец, разносторонний человек, прекрасно читал лекции, но мог прийти на экзамен собрать зачетки и поставить всем оценки, с потолка, а кто хотел балл повыше, мог отвечать на его вопросы, которые никогда не были каверзными, и тогда справедливости ради он давал три дня на подготовку. Однажды, когда я пришел домой, а я останавливался на сессионный период у дяди Павлика, позвонил Алекпер Ибрагимович, и сказал, «Павел, сегодня суббота, твой племянник получил у меня четверку, давай, приглашай сегодня нас в ресторан. И позови Аарона с женой». Павел обрадовался, говорит:

– Вадик, ты сдал экзамен по самой сложной дисциплине и не хвастаешься, так давай, приглашай всех в ресторан. Будут Трубниковы, Алекпер с женой, да мы с Галей.

– Давайте, но в какой ресторан, не надо – ли заказать столик, ведь семь человек, может не оказаться места.

– Так столик я сейчас закажу, у меня знакомый администратор в ресторане «Молдова».

И он заказал столик, и заодно попросил сразу поставить закуски, коньяк и сухие вина.

Тетя Галя сказала, «что то, племянничек, я вижу у тебя морда не радостная. Ну-ка, признавайся, не входило в твои планы такую большую компанию старых пердунов в ресторан вести. И денег, наверное, в обрез. Так?» И пришлось соглашаться, что так. Тогда она позвала дядюшку, «Павел, старый греховодник, ты подумал, что у Вадьки денег может не хватить? Что ты решил?»

– Ты что действительно думаешь, что мы будем на деньги ребенка пить? Успокой его, я за все уплачу. Давно собирались сходить всей компанией, надо примирить Валу с Аликпером, он ее месяц тому назад обидел на совещании в деканате и они избегают друг друга. А здесь нейтральный повод. И никто не откажется от приглашения. Дружбу надо восстанавливать. Все было хорошо много лет, а здесь Аликпер неосторожно полез в критиканты, и обидел.

На том и решили, а тетка меня слегка успокоила. Для всех это был повод установить прежние взаимоотношения в небольшом содружестве преподавателей, а моя сдача экзамена явилась только поводом, чтобы собрались все вместе, и потом, после этой встречи, они продолжали дружить семьями много лет, и все разногласия забылись, и старость пришла ко всем. Правда, был инцидент, в жизни Алекпера, его подставили под определение «взятка» и был суд, но семья была не без внимания друзей, а после года тюрьмы он был реабилитирован и, грехи его были ему государством отпущены, но здоровье не возвратили. Но это другая история.

В ресторане нас ждали. Стол был накрыт со всеми правилами и традициями молдавского гостеприимства, с первой минуты был задан тон легкой беседы старых интеллектуалов – собутыльников. Алекпер без остановки на закусывание предлагал все новые и новые тосты, потом потребовал у официанта – «где твой шашлык – башлык»? на что официант ответил, что мититеи готовы и он в минуту их доставит. Мититеи подали. Большое блюдо. Их обожал Аарон, все это знали, и ему угодили. Следует пояснить, что мититеи представляют собой жаренные колбаски, схожие с люля кебаб и изготавливаются из натурального мяса, лучше из смеси фарша баранины и свинины. Подаются на стол в горячем состоянии, с большим количеством сырых овощей, типа салатов.

Новому блюду отдали должное, но его уже не осилили, и мороженное спасало всех от жары и жажды, но все пошло домой пешком, и зашли в гости к Лукашевичам, и на веранде сидели еще часа три, пили сухое охлажденное вино, закусывали виноградом и орешками, вели легкие разговоры «за жизнь». Я был очень молодым и неопытным, значительно опьянел, но держался до конца, в общие разговоры не вступал. Уже к тому времени знал кое-что о скромности.

Эта глава является нелишним воспоминанием о дорогих мне людях, которые небезразлично относились к моей судьбе и моему будущему и все они сыграли в моей жизни важную и неповторимую роль.

Я помогал тете Гале и Наташе убирать со стола в пятом часу ночи. Надо сказать, что у тетки был закон, когда бы ни закончилось застолье, а стол надо привести в порядок сразу, а посуду вымыть. Так было и в этот раз.

Этот рассказик не дает полной картины о мытарствах заочника, да еще офицера. Просто воспоминания о дорогих мне людях и сложном пути к высшему образованию. Дальнейшее образование и продвижение по жизни происходили сами собой. Диплом инженера я получил в срок, несмотря на перерыв в учебе, связанный с Венгерскими событиями.

Николай и Астра **К 50-летию Венгерских событий** **(и была любовь, и был в Советской** **армии секс, и была жизнь)**

Из газет весь мир узнал весной 1957 года, что Советский Союз, подавив контрреволюционный путч, выводит свои войска из Венгрии, и вывод войск будет завершен к осени текущего года. Для поддержания внутреннего порядка будет в неспокойном государстве оставлен ограниченный контингент вооруженных сил Советского Союза. Так оно и произошло. Войска были выведены. Во всяком случае дивизии 8-й танковой армии, в том числе и Бердичевская дивизия были возвращены на зимние квартиры, но... Вернулись Знамена полков, командиры полков, караул, сопровождающий знамена, секретные делопроизводства, все со своими наименованиями и номерами частей. Вернулось некоторое количество тыловых подразделений, техника, которая выслужила свой срок, например бензовозы, масловозы и пр. Которые были смонтированы еще в годы Великой отечественной войны на шасси Студебеккеров и автомобилей ЗИС-5, кухни, которые отапливались дровами, возимые комплекты обмундирования и снаряжения. Все то, что было на тот момент мало мобильным и снято с вооружения, как нецелесообразное для использования «Ограниченным контингентом». Этот контингент фактически составляли войска, введенные в страну для наведения революционного порядка за малым исключением. Командующий армией, генерал-лейтенант Бабарджанян Амазасп Хачатурович остался командовать этими войсками, правда, вскорости он был переведен в Москву и внедолге стал Начальником Главного бронетанкового управления, жил долго, и умер маршалом бронетанковых войск. Командир дивизии, офицеры, сопровождавшие эти грузы и технику, сержанты и солдаты стали золотым фондом для восстановления воинских частей в новом составе в местах постоянной дислокации, и формирование шло очень активно, уже к новому году воинские части представляли собой полнокомплектные полки и отдельные батальоны, такие, как саперный, медико-санитарный, связи, и т. д. Подобные части в Венгрии создавались заново, комплектовались новым оборудованием, благо, на складах требовалось обновлять запасы оборудования

.Вернулись и вольнонаемные штабного применения.

В Венгрии остались боевые подразделения и части дивизий с личным составом, и на их базе были сформированы соединения и воинские части с новыми наименованиями и номерами. Так сработали политики и генеральный штаб. Этого долго не могли понять противники, ведь холодная война была в самом разгаре. В местах же постоянной дислокации была получена новая техника, пополнение личным составом и офицерскими кадрами из гражданки, военных училищ и академий. Фактически формирование было закончено быстро и качественно.

Российский офицер не может возвращаться с войны с пустыми руками. Женам нужны сувениры, в те поры с мануфактурой в СССР был полный завал, да и вся легкая промышленность работала не на потребу человека, детям нужны подарки, да и себе следует прихватить нечто. Так было всегда. Во времена княжеской Руси, походов Суворова, Кутузова, Возвращения войск из освобожденных от немцев территорий и государств в 1945—46 годах, возвращения войск из побежденной Германии, офицеры везли чемоданами, генералы умудрялись привозить вагонами, так было и теперь. Не зря среди военнослужащих ходил шуточный вопрос: «Каковы три факторы необходимости новой войны?» и ответ: «Первое-износились и израсходованы трофеи, второе-нет должностного роста и званий, третье-постарели жены, пора новых ППЖ (полевых, походных жен)». Несколько сложнее было тем, кто остался на формировании

частей в Венгрии, но и они сумели кое-чего награбленного припрятать до лучших времен, а кто возвратился... Тащили все. Форинты из разграбленных магазинов и банковских учреждений, штуки различных тканей, причем не брезговали ничем, ни постельным полотном, ни костюмной шерстью, которые вскоре появились на местных вещевых рынках, ни одеждой, даже не своих размеров.

Приближенные к начальству сумели погрузить на платформы десятки мотоциклов М-72 с коляской Киевского завода, которые поставлялись на комплектование венгерской народной армии до путча, а один из оборотистых снабженцев сумел загрузить в маслозаправочную пятитонную цистерну более сотни охотничьих ружей. Уж неизвестно, или магазин охотничий разорили, или склад разграбили. О запасных частях к автомобилям различных марок, автошинах и других комплектующих изделиях-и говорить нечего.

Надо отдать справедливость тогдашнему командиру дивизии, который очень умело ликвидировал эти явно мародерские приобретения. В частях было официально объявлено, что в воскресенье, на стадионе военного городка «Красная горка» будет производиться регистрация мотоциклов и ружей, на имя их приобретателей, для чего необходимо построить технику и прибыть с ружьями к десяти часам утра на стадион. Конечно, это решило бы все проблемы, поскольку никто из военнослужащих не мог предоставить документы о законном приобретении транспортного средства или ружья через торгующие организации. А здесь произойдет вполне законная регистрация в централизованном порядке.

Уже с восьми часов утра стали съезжаться мотоциклы и выстраиваться на футбольном поле. Каждому раздали по листочку бумаги, на котором необходимо было написать свою фамилию, адрес и номер регистрируемого мотоцикла или ружья.

Наступило время десять часов утра. На своей «Победе» подъехал командир дивизии. Его сопровождало три офицера штаба. Поступила команда всем положить в коляску мотоцикла листки для регистрации, под каждое ружье положить тоже эту писульку и прибыть к трибуне для получения разъяснений по дальнейшим действиям. Всего в построении участвовало около ста пятидесяти человек. Им было объявлено, что мародерство, это уголовное преступление, зачитана статья, по которой каждый мародер подлежит суду военного трибунала, и меры наказания. Задан вопрос, кто из присутствующих готов, чтобы его судили, военно-полевым судом. Желающих не оказалось. Последовала команда: «Кругом», все повернулись лицом к выстроенным мотоциклам и лежащим на поле ружьям, в дальнем углу стадиона открылись ворота и на поле вышел танк Т-54, который не останавливаясь проутюжил одной тридцатитонной гусеницей по шеренге мотоциклов, этой-же гусеницей прошелся по ружьям, развернулся и повторил маневр уже в обратном направлении. Мотоциклы были разрушены в лепешку, что касается ружей, то их собрали два сверхсрочнослужащих в кучу, и по ним для верности еще поездил танк. Процедура заняла не более двадцати минут времени при полном молчании «владельцев» и одобрительных возгласах зрителей, собравшихся вокруг ограды стадиона.

В частных разговорах прозвучало, что тащить надо вещи, которые можно уместить в чемодан, и не требуют регистрации. Народ разошелся по домам, а многие в ближайший кабак, в унынии, но с полным пониманием того, что в пылу боевых действий можно и зарваться, что впоследствии способно принести большие проблемы. А чемоданные мародеры втихомолку радовались. В это время специальная комиссия потрошила маслоналивную цистерну. Масло МТ-16п было слито, и из цистерны, специально облаченные солдаты в противохимических костюмах, извлекли большое количество ружей, пистолетов, сабель и др. мелочи, представляющей собой охотничий инвентарь, музейное оружие. Все было переписано, запротоколировано и сдано на склад, Дивизионный склад артиллерийского вооружения, потом все это многократно передавалось на полковые склады и обратно, вероятнее всего, чтобы запутать следы. Если ружья не разворованы и не распроданы оборотистыми ребятами, то они хранятся и по сей день.

Николай Дубонос вернулся в Бердичев в качестве начальника караула в эшелоне дивизионного тыла в полном составе одного из немногочисленных взводов, вернувшихся к месту постоянной дислокации. Дорога к дому была не легкой. На фоне того, что при движении в Венгрию для подавления восставших против коммунистического режима перемещение до границы заняло менее суток, возвращение с многочисленными остановками, почти на всех узловых станциях, заняло целую неделю. И несмотря ни на какие старания и ухищрения начальника поезда и Николая, неделя в пути, с расположением в товарном вагоне, без условий помыться, сходить в туалет, выспаться, наконец, не на жестких нарах, караул, состоящий из двадцати человек, по-настоящему устал. Двадцатилетние парни приходили с постов на остановках, перекусывали разогретыми на буржуйке консервами и замертво падали до следующей смены. Большую физиологическую нужду можно было справиться только, если человек выставлял свой голый зад за пределы ворот товарного вагона и его в это время держали товарищи за руки и за одежду. Даже психологически это не каждый поймет или сможет сотворить. Но такова солдатская жизнь, да и офицерская.

К концу пятого дня многие стали жаловаться на недомогание, на одной из остановок, где был военный комендант в вагон был приглашен санинструктор, оказалось, что у всех температура, но люди не захотели оставаться на неизвестном полустанке в медпункте, когда до Бердичева оставалось сотня километров с небольшим. Пришлось прямо на путях организовывать собрание личного состава. Все решили ехать. Рядовой санинструктор не мог, конечно, установить диагноз, он оставил Николаю целую аптечку жаропонижающих лекарств и подарил термометр

.Дежурный по комендатуре обрадовался, что с его головы ушла такая боль, ведь ему пришлось-бы вызывать подменный караул из ближайшей воинской части, находящейся, чуть-ли не в Бердичеве. Да и эшелон пришлось бы задерживать на неопределенное время, а это еще дополнительные проблемы с железной дорогой, центральной диспетчерской Винницкой железной дороги, и многое другое. Он принял все возможные меры, чтобы эшелон был быстрее отправлен, выдал дополнительный сухой паек, и передал по линии движения, что в эшелоне большое количество больных неизвестной болезнью и необходимо, чтобы он следовал без остановки.

Надо отдать должное, служба военного железнодорожного коменданта сработала, и двигались с этого момента без остановок, через несколько часов были в пункте назначения. В Казатине эшелон был остановлен на очень короткое время, его встретил весьма предупредительный дежурный военный комендант старший лейтенант Губанов, обеспечил дополнительным питанием, питьевой водой, с собой привел доктора, готового оказать неотложную помощь. В Бердичеве, прямо на месте разгрузки, требовалось сдать оружие и срочно госпитализировать весь состав караула. Для этой цели на эстакаду разгрузки прибыли штабные офицеры и офицеры тыла, машина, грузовик, крытый тентом, для солдат. Формальности закрыли в быстрейшем темпе, людей Николай лично довез до медсанбата и сдал на помывку-диагностику. Сам он тоже чувствовал недомогание, помылся со своими солдатами в госпитальной бане и, сказавшись здоровым, помчался на встречу со своей молодой женой и еще не виданной им дочкой, которая родилась во время его пребывания в Венгрии. В городе Секешвехерваре ему принесли в танк известие о ее рождении. Начальник штаба батальона передал по радиации. Не описывая слез радости и сцен встречи дома, надо сказать, что наш герой настолько устал, что прилег на минутку, пока жена готовила ужин, и она не смогла его разбудить, но почувствовала, что Николай неправдоподобно горячий, сразу поняв, что у мужа температура. В доме была теща, которая приехала помочь молодой маме с ребенком, вот она-то и настояла, чтобы он утром сразу шел в госпиталь. Решили, что на время его болезни жена с ребенком уедет к родителям в Одесскую область, в Белгород Днестровский, а он после выздоровления приедет к ним в отпуск, который у Николая был не использован за два года.

У всего подразделения был выявлен инфекционный гепатит А, как говорят – болезнь грязных рук. Такие были условия в лагерных палатках в Венгерском их расположении и еще хуже в дороге. Заметим, что СССР, а потом и Россия, всегда перевозила свои войска в скотских вагонах и в скотских условиях, один двадцатилитровый бачек воды на всех до следующей остановки. Кажется, в последние годы для людей выделяются пассажирские вагоны, но это не точно. Скотские – дешевле. Так всегда относились на Руси к своим кормильцам и поильцам и защитникам.

Жена Николая уехала, он был за эту сторону своей жизни спокоен, деньги за прошедшие месяцы он ей отдал, вернее она получила по его доверенности в части, так, что она временно, во всяком случае, ни в чем не нуждалась, и он мог лечиться спокойно.

В медсанбате было две офицерские палаты, в одной лежали офицеры, возвратившиеся домой после боевых действий с венерическими болезнями, другая была занята офицерами, отслужившими свои сроки и предназначенными к обследованию на предмет годности к дальнейшей службе. Здесь была сплошная, перманентная и ежедневная пьянка, так, что и здесь с гепатитом, ему было лежать не с руки. Он высказал пожелание лежать в одной палате со своими солдатами, и это было приветственно поддержано руководством медсанбата. Все было хорошо, лечение здоровых, вернее крепких молодых людей шло успешно, уже на третий день у них стабилизировалась температура. Вот только никто в шахматы не играл, да развлечений никаких, а Николай был мастером спорта по шахматам, и так хотелось сразиться. Посещали их сослуживцы, в основном по обязанности политработники. А наиболее близкие друзья, сокурсники по училищу, просто близкие по духу, остались в Венгрии. Коля с удовольствием познакомился с врачом – лаборантом, которая из немногих была очень интересной женщиной, допускала легкий флирт и на него отвечала. Чувствовалось развитие не только ограниченное микробиологией. Она недавно, пару недель тому вернулась из Венгрии в составе своего батальона прошла весь путь и могла здраво судить о состоянии каждого, кто побывал там. И внимательно, с пониманием отнеслась к Николаю и его солдатам. У некоторых желтушный период уже прошел, они питались, уже не придерживаясь диеты, а у Коли вообще желтушного периода не было, и он через неделю по своему самочувствию готов был выписываться.

К Астре Павловне в лабораторию он заходил ежедневно, разговоры были вокруг Венгерских событий, вокруг боевых действий знакомых частей и знакомых людей. Касались литературы, обсуждали входившие тогда в моду произведения Хемингуэя. Первые его романы вышли в СССР в 1956 году, и их было сложно достать для прочтения.

Однажды он зашел в лабораторию утром, она как раз в это время производила анализ его мочи на билирубин и пр. «Ого, сказала она, вам сегодня снились романтические сны. Интересно, кто она?» Не долго подумал шахматный мастер над ответом, и сказал, что последние несколько ночей ему снится преимущественно она, Астра Павловна.

Этот ответ смутил ее, но слегка, а, в самом деле ей было приятно слышать этот неприкрытый условностями комплимент, да еще от молодого и во всех отношениях положительного мужчины. Разговор перешел на другие темы, но его ответ заронил в Астре определенные эмоциональные настроения. По воскресеньям, когда в госпитале оставался только дежурный врач, больные гуляли по двору, выздоравливающие играли в волейбол, в палатах никто не хотел оставаться, все высыпали на свежий воздух. Играла в волейбол и Астра. Она жила одна, в предоставленной ей небольшой квартирке рядом с санбатом, дверь ее квартиры открывалась прямо на улицу. Окна выходили во двор санитарного батальона.

В одной из бесед она поведала Николаю, что в Венгрии они располагались на территории медицинского госпиталя венгерской армии, и ей удалось при возвращении привезти с собой бинокулярный микроскоп с высокой степенью увеличения в качестве трофея. И, в оправдание, сказала, что так делали все и если бы не она, то кто ни будь другой этот микроскоп забрал. У нее в данное время сложности с деньгами и надо микроскоп продать. Николай к этому отнесся

с пониманием, и они решили вместе съездить в Киев на пару дней и решить эту проблему. План был такой, Сразу после выписки Николая Астра возьмет два дня отгула, и им этого срока должно хватить. В Киеве они останутся у отца его друга, лейтенанта Иосифа Галинского, который живет один в самом центре города, сразу за оперным театром. Заодно и в театр сходят, давно оба этого культурного мероприятия были лишены.

Так и сделали, выехали рано утром, в шесть часов утра, а в десять их принимала столица Украины. Коля хорошо знал город, здесь прошли его юность и здесь он кончал училище, здесь жили его родители, но в планы наших путешественников не входило расстраивать родителей, кроме того, они имели тайные планы друг относительно друга. Оба. Хотя не признавались друг другу в этом. С телефон – автомата они позвонили Гдалию Иосифовичу, отцу друга, Николай пообещал рассказать отцу о сыне, который в данное время находился в Венгрии, извинились, что будут поздно, поскольку хотят максимально посмотреть достопримечательности, побывать в театре, да и дела решить. Дела решили во второй или третьей скупочной лавочке, потом все по плану, обедали в ресторане, на что Николай имел свои средства, и лицом в грязь не было, потом красочное «Запорожец за Дунаем», и в десять тридцать они были уже в гостях у старика Галинского который ждал их с нетерпением. Николай от Йоськи знал, что отец совершенно слепой, но с жизненными проблемами справляется самостоятельно. Конечно, они принесли с собой коньяк, какие-то закуски, купили в соседнем гастрономе все, чтобы не быть обузой для хозяина, но их ожидания никак не оправдались, стол был накрыт, приготовлен плов, куплены пирожные, по типу Киевского торта «Бизе», нарезаны мясные закуски. И все это на ощупь, но аккуратно и наверное не всякий зрячий сумеет так сервировать. Выпили за сына, за всех военных, живых и мертвых, старик пил наравне с молодыми и был несказанно рад гостям. Коля ему рассказал о быте и условиях, в которых находится его сын, благо, они действительно сдружились еще в училище и перед отправкой эшелона долго и с удовольствием, и красным вином общались. До училища они не были знакомы.

Старик предоставил им двухспальную кровать, на которой уже давно никто не спал, жена его уже два месяца жила у старшего сына в Ужгороде. Таковы были семейные обстоятельства и потребности. Сам он спал в кабинете на диване.

После душевой оба, каждый со своего краю осторожно, чтобы не шуметь и не разбудить хозяина улеглись, но они просто не могли не приближаться друг к другу, и уже через пять минут они лежали обнявшись. Астра Коле сказала, что не будем – же мы будоражить спокойствие старика, на что он ответил, а мы-то взбудоражены, и уже оба не смогли устоять и уклониться от той страстной сцены, которая неминуема между двумя, физически заинтересованными друг в друге молодыми людьми. Коля со времен выхода в Венгрию по тревоге не был близок с женщиной, а Астре, для поддержания своего авторитета, несмотря на ухаживания многих, за границей, надо было держать себя в состоянии аскетического воздержания. А сейчас их ничто не тормозило. Они оба этого хотели, и оба это получили, и обоим это понравилось, и несмотря на перенесенную болезнь Николай смог восстановить свой мужской статус многократно, она не возражала, и они уже забыли, что находятся в гостях, правда, утром, часов в семь они встали, Гдалию Иосифович был уже на ногах и подозрительно рьяно сразу стал убеждать, что спал сном младенца, и ни разу за ночь не просыпался и ничего не слышал.

Совершив утренний туалет, готовили завтрак сообща, завтракали долго, с наслаждением, не спеша, будто жаль было расставаться с этим домом. Снова рассказывалось о венгерской эпопее, бесстрашно все трое давали политическую оценку произошедшим событиям. По своей профессии хозяин дома был журналист, международник, и имел по событиям вполне трезвое суждение, и знал, что его мнение эти люди не унесут за пределы этой квартиры. Прощались с гостеприимным хозяином уже во втором часу дня, до поезда было еще много, он отходил в десять вечера, и было время еще походить по городским паркам, побывать во Владимирском соборе, посетить Софию.

Бурная ночь и хождение по городу вроде и не утомила наших друзей, правда, Астри видела, что Николай себя чувствует несколько натянуто, скажем, тяготится своими действиями. Он был цельной натурой и все с ним происшедшее воспринимал как измену своей семье, как он думал, в первую очередь дочери. И Астре пришлось его успокаивать. Она была значительно старше Николая, ей было близко к сорока, а ему двадцать пять. И ее успокоительные слова были похожи на слова мужчины, который только что лишил девственности молодую девушку.

Она говорила:

– Ты не переживай, что меня пару раз поимел. Это не грех, а это жизнь. Тебя не ubyло, ты остался таким-же добропорядочным отцом, ведь не думаешь ты, что у тебя возникли обязательства по отношению ко мне, хотя, я всегда буду готова тебя утешить во всех твоих неприятностях и невзгодах.

– Я понимаю всю абсурдность своих переживаний, и даже не буду тебя переубеждать, поскольку я честно должен тебе признаться, что мы оба проявили слабость.

– Так я тебе скажу, ответила она, что о такой слабости, как ты говоришь, мечтает каждая женщина. И в моменты нашей слабости иллюзорно казалось – вот оно счастье.

– Тогда не будем больше об этом, лучше сосредоточиться на будущем, на том, что нас ждет в дальнейшем.

– А в дальнейшем нас ждет еще одна ночь, у меня дома, когда приедем. Не пойдешь — же ты в два часа ночи через весь Бердичев на Красную гору. Я себе этого не прошу.

Разговор шел в поезде, он мчал их к дому, и они сидя, задремали, благо, усталость давала себя почувствовать. А когда приехали, добирались до ее дома пешком, ночь радости и печали повторилась. Николай ушел от Астры во второй половине дня. Был воскресный день, он посетил своих солдат в их палатах, и остаток дня в полном одиночестве, но уже в другом качестве, со значительно измененной психикой провел дома, готовясь завтра представиться командованию, как прибывший из госпиталя.

На следующий день он был уже на службе, и ему предоставили месячный очередной отпуск за прошлый год. Таким образом, ему сэкономился еще отпуск за текущий. Через пару дней Николай был уже в Белгороде, его встречала большая семья жены, Людка с ребенком, две козы, собака Тюбик и кошка Брыська, и было так уютно и так тепло, и так по родному, что слезы наворачивались. Когда они с Людкой собирались в отпуск, то мечтали каждый день ездить в Одессу, развлекаться в его цивилизации, но ему ничего не хотелось, только хотелось спокойствия семейного, такого, каким он его застал в первый день. И домашние, отнеся его настроение к последствиям пережитого в боевых действиях, относились с пониманием и не торопили его с чем – бы то ни было. По утрам он с тестем с удочками отправлялись на Днестровский лиман, без рыбы не возвращались, да еще пристрастились ловить раков, и это было удовольствие, когда поднимаешь раколовку в метр диаметром, а в ней пять-шесть раков, да каких, крупных, Днестровских. Николай научился этой премудрости и вскоре перестал ловить рыбу, а только охотился за раками.

Прошло почти половина отпуска, когда молодые супруги вырвались в Одессу. Сначала был, конечно, оперный театр, потом ужин в ресторане гостиницы «Красная», домой возвратились последним автобусом около часу ночи, но были довольны своим вояжем.

Таких вылазок до конца отпуска они сделали еще две, и возвратились в Бердичев отдохнувшие, готовые к новым свершениям на поприще военном. Жена работала на заводе «Комсомолец» инженером технологом, но в данное время была в отпуску по уходу за ребенком.

Служебные заботы, семейные хлопоты, ежедневные занятия спортом, не вытеснили у него из сознания наличие Астры, которая напоследок просила его приходить навещать в любое удобное для него время. И он это время нашел. В части обеденный перерыв длился с двух часов до пяти вечера, а потом надо было заниматься с солдатами до восьми вечера.

Ходила такая шутка-«у нас восьмичасовой рабочий день-от восьми до восьми». Так Николай использовал эти три часа обеденного перерыва, чтобы сотворить «дополнительную любовь», и все были довольны. Но однажды Астра призналась, что она готовится устроить свою судьбу, что у нее появился воздыхатель, который уже пару раз у нее ночевал, и, конечно, ему далеко до потенции Коли, но она – же не девочка, чтобы раздумывать в своем холостом положении: дать или не дать. И они уже подали заявление в загс, но это ничего не значит, пусть все остается, как было, и Николай приходит днем, и ей это даже удобно.

Николай, конечно, был ущемлен в своем самолюбии, но трезвый рассудок, конечно, подсказывал, что все закономерно и правильно. В своем понимании истины, и будучи математиком, склонным к точным формулировкам, Николай сформулировал для себя: – Любовные похождения, случайные связи, или просто разврат никогда и никак не должны влиять на родных, на семью, детей в первую очередь. Такова мораль, которой он следовал до конца жизни. А жизнь, по его понятию, была не удавшейся. Ему по причине призывного возраста не пришлось учиться в математическом учебном заведении, не пришлось, скажем, даже не удалось применить свои способности, которые он сознательно развивал в себе с детских лет.

Возвратился Йоська из Венгрии, обрадовались встрече, во избежание недоразумений, Коля все ему рассказал. Встретил полное понимание. Неожиданностей не должно произойти. Вернулся из Венгрии еще один еврей, Матвей, и это возвращение навело на грустную мысль о национальной политике в кадрах Вооруженных сил Советского союза.

Но это другая история.

Босяк

Сто третий танко – самоходный полк был сформирован и дислоцировался на Лысой горе (ранее он стоял в Мирополе) и в 1955 году переведен на скадрированный состав. Это, когда полный состав командования, вооружение на складах и техника в законсервированном состоянии. Солдат состояло в списках лишь механики-водители, а в основном сверхсрочники. В штате полка было два танковых батальона и один самоходный. Батальоны – трехротного состава.

Заместителем командира полка по политической части был подполковник, из Бердичевских, местных. Симонович. Небольшого роста, красивый, с кучерявой головой, черноглазый и чернобровый. «И на вид почти здоровый».

В самом начале подъема на Лысую гору, там, где встречаются три дороги из города, ул. Махновская, ул. Котовского и Фрунзе, и там, где стоят два непроходимых (мимо них не возможно было пройти, идя на обед, или с работы в конце дня), чипка. Или забегаловки, или рыгаловки, или «Голубых Дуная», это на местном диалекте, прямо напротив начинающегося подъема на гору немецкими военнопленными был построен «Рейхтаг». Трехэтажный жилой дом для офицерского состава вместимостью шестьдесят семейств. На каждом этаже имелось двадцать комнат для жилья, две кухни по десять газовых конфорок и десять столиков, которые устанавливались каждой семьей рядом со своей конфоркой. И никаких удобств. На кухнях у каждой семьи помещались индивидуальные рукомойники, а под ними тазы для воды после мытья. Такая была атмосфера элитного жилья победителей в войне.

Общественные туалеты были во дворе, мужской и дамский, на десять дырок каждый, без перегородок между посетителями, двери в эти, с позволения сказать, туалеты, были всегда оборваны, воду носили из колонки, тоже рядом с домом. А бетонированные мусорные ящики имели внизу отверстия для вытекания жидкости, выливаемой из помойных ведер жильцами. Эти жидкие отходы свободно растекались по рельефу, текли вдоль дороги, и за два километра можно было найти жилище привилегированной части офицерского состава дивизии. По запаху и навстречу потоку этой речки говнотечки.

На кухнях с утра до вечера шла непрекращающаяся конференция жен. Обсуждалось все, от меню дорогому мужу и его половой потенции до состояния гардероба каждой, и цен на рынке. Жены вынуждены были находиться весь день вместе, на кухне, где и готовилась еда, и производилась стирка белья, и было удобно выглянуть в коридор трехметровой ширины, где носились десятки шумных детей. Временами раздавался отчаянный плач одного из них. На этаже стоял постоянный и невообразимый шум, хлопали двери.

Эти квартиры получали только счастливицы или приближенные к командованию.

В каждой семье считалось вполне нормальным держать у входа внутри комнаты ведро с крышкой для ночных испражнений. Наиболее изобретательные и продвинутые хозяйки прикрывали эти ведра ширмами, делали закуток, при помощи стены и платяного шкафа. И забываемая картина, когда утром, майоры и подполковники бежали во дворы уборные с ведром, полным испражнений семьи. Отцы семейств. Таковы были условия жизни элиты танковых частей – победителей.

Симонович со своей красавицей женой имел комнату на втором этаже Рейхстага. Детей у них не было. Забот у Любки было, только накормить своего «тюфяка», как она его называла, да часами сидеть перед зеркалом и заниматься прическами и гримировкой своего лица. Как женщины говорили: «У Любки морда гладкая, ну что твоя жопа у ребенка».

Симонович приходил домой всегда в восьмом часу вечера, ужинал, и с женой шел на прогулку по центру Бердичева, заходили к его родственникам, шли домой уставшие, и надо сказать, что эта прогулка была основной супружеской обязанностью Симоновича. На остальное

его уже не хватало, хотя, семейное счастье этим не омрачалось. Любка с ним отдыхала от былой бурной жизни и тех времен, когда ее прелести в действующей армии были востребованы нарасхват. Служа в армии медицинской сестрой, она добровольно взяла на себя обязанность проводить «реабилитацию» выздоравливающим.

Офицеры тех времен не отличались высоким интеллектом, многие выросли по службе благодаря своей личной храбрости в боях второй Мировой войны, да за счет того, что командиров тоже убивали, и на их место надо было назначать опытных и знающих людей данного подразделения поименно и психологические качества каждого. Здесь не до Гегеля, тем более, что солдатам тоже трудно было привыкнуть к людям со стороны. Это учитывалось в кадровой политике. Многие лейтенанты и капитаны в 1950—1956 годах были в званиях, полученных еще во время войны, и они молили бога, чтобы дослужить хоть до двадцатилетнего стажа с учетом льготных военных лет и получить 30% пенсию.

В армии еще служили солдаты, которые захватили в своей службе боевые действия, и это были самые лучшие солдаты. Они не нуждались в так называемой боевой подготовке, и любую проверку готовы были сдать на отлично, или как прикажет командир... А почти все сверхсрочнослужащие прошли путь поражений Красной армии в войне и путь победы вплоть до Германии. В то время каждый, кто выслужил свой установленный законами срок и не был уволен по условиям продления службы за счет международной обстановки, мог перейти на сверхсрочную службу. Многие, которые решили жениться на Бердичевских красавицах и околбердичевских невестах, остались в армии до конца своих дней. Остальных, тысячи, безропотно ждали демобилизации. Жить в мирные времена было хорошо, безопасно, не стреляли, не бомбили, не убивали. Была надежда на счастливую гражданскую жизнь.

Прибыл на должность ротного в первую самоходную роту капитан, по фамилии Босьяк. Боевой офицер, многократно награжденный орденами и медалями. Интересен он был во всех отношениях. Его рост вызывал сомнение, что он сможет втиснуться в танковую башню, около двух метров, широк в плечах, а каждая рука могла сжать солдатскую буханку хлеба или набрать вместо совковой лопаты большую порцию сыпучих грузов. Знаний, особенно в модной в те годы артиллерии, у него не было никаких. Стреляющим он быть не мог, хотя практические навыки в работе старшим на батарее у него были отличные. Солдаты к нему прониклись глубоким уважением сразу, без интервала на прием должности. Всю теоретическую часть обучения солдат и офицеров и ведение канцелярских дел он в первый же день распределил между ротными офицерами, оставив для себя лишь надзорные функции. Его требования к взводным и зампотеху были единственные – соблюдать распорядок дня, установленный в части. Во время приходить на службу, во время становиться в строй, а в течение дня можно было читать газеты, художественную литературу, играть в карты или отлучиться в дом офицеров и сгонять партию в бильярд. За какой-то месяц все втянулись в этот режим, занятия с солдатами проводились, в основном, в составе роты, и выполнять требования командира оказалось совсем не трудно. Рядовой состав был дружен и исполнителен. Да и в роте было не более тридцати человек, с небольшим некомплектом.

Распорядок дня был такой, что прозанимавшись физической подготовкой на «Индийском часе», можно было прерваться на часа полтора на туалет и завтрак, потом работали до двух, с двух до пяти часов дня – обеденный перерыв.

Многие офицеры, особенно низшего звена и холостяки жили на частных квартирах и успевали за это время сбежать домой, пообедать, часок вздремнуть, но в семнадцать ноль – ноль на построении должны были все стоять на местах, определенных строевым расчетом.

Ротный Босьяк не явился на послеобеденное построение. Командирам взводов этот факт удалось скрыть от батальонного командования. На следующий день, воскресенье, все по плану, Босьяка никто не хватился. В те годы суббота была рабочей и в предвыходной день работали без сокращений. И никто не подумал, что командир роты оказался в шекотливом положении. О его

нахождении знал один офицер. Заместитель командира полка по политчасти подполковник Симонович. Босяк был весь обеденный перерыв в пятницу и все последующее время у жены замполита. Старая любовь не ржавеет. Любка вечером не пустила мужа домой. Муж стоял под дверью, а из – за тонкой филенчатой двери доносились стоны и вскрикивания его жены, громкие признания в вечной любви. И кому? Жорке Босяку, которого она уже не надеялась встретить, с которым не виделась около десяти лет, и которому клялась в вечной любви еще там, в полевом госпитале. В юном, двадцатилетнем возрасте. Это был конец 1944 года.

Они совокуплялись яростно. Можно было подумать, что это у них в первый и последний раз, и они знают, что последний. У двери, кроме мужа, временами скапливались наиболее любопытные соседки, самые смелые давали советы Симоновичу, а некоторые не стеснялись громко рекомендовать свои любовные фантазии Любке и Босяку.

Симоновича от решительных действий удерживала высокая коммунистическая мораль.

Как они встретились, осталось загадкой для всех, но что Любка сразу после ухода мужа с обеда пошла в магазин и через десяток минут вернулась с Босяком, видели многие. А дальше, без пауз и передышки – сплошной любовный экстаз, и стоны, которые с удовольствием фиксировались ушами соседок. Многие из них бесконечно завидовали ее бабьему счастью. Так и признавались, во многих семьях в эту ночь было шумно, шло разбирательство своей, во многом не удавшейся или удавшейся не в такой мере сексуальной жизни. А положительный пример любовных отношений визжал и вскрикивал.

Симонович, как обухом оглушенный, стоял в коридоре и повторял: «Как это можно, как это можно, ах ее жалко, ах ее жалко»... А из – за тонкой двери неслось: Оййй, люблю навсегда, оййй как хорошо, какое счастье, от счастья хочу умереть!»

Появились соседские мужчины, начали политработника успокаивать, некоторые предложили переночевать у них по соседству, кто-то ехидно предложил почитать доклад Хрущева на последнем съезде партии, пока жена занята. Появился один, который предложил проводить подполковника к его родственникам, живущим в своем доме поблизости, на улице Фрунзе. Симонович с радостью и облегчением согласился.

Любка выходила из своей комнаты уже поздно ночью, когда дом спал. Сходила к колонке по воду, по нужде, нагрела чайник, приготовила немудрящую закуску, и закрылась со своим Босяком на все воскресенье, до понедельника.

А бедный муж, как только забрезжил рассвет, в воскресенье, был у дверей своей комнаты, но дверь ему так и не открыли. Он ушел, за сутки появлялся много раз, но на его просьбы и мольбу встретиться и объясниться никто не отозвался.

Люди видели, как капитан Жора в пятом часу понедельника бодрым шагом шагал в сторону Лысой горы. Чисто выбритый, наглаженный. Он участвовал в «Индийском часе» вместе с ротными офицерами, победил всех подчиненных по времени на полосе препятствий, а перед разводом пришел в кабинет командира полка.

Никто не знает, о чем был разговор у полкового командира с Босяком. Развод полка проводил начальник штаба, престарелый пьяница подполковник Баландин. Симонович стоял в строю на своем месте. В строю роты отсутствовал капитан Босяк.

Умнейший человек, командир полка, полковник, возглавлял армейскую разведку во время войны, решил все проблемы телефонным звонком своему начальнику боевых времен командующему армией, они сохраняли глубокое уважение и, можно назвать пристрастие друг к другу, как преданные однополчане.

Это был последний день Симоновича в полку, к обеду он убыл в распоряжение политотдела армии. Его вещи Любка собрала без его участия, их привезли на Виллисе начальника штаба. И с почетом провезли бывшего замполита по передней линейке в направлении вокзала. Бедный политработник потерял всякую надежду на возобновление тихого семейного счастья.

Квартирный и семейный вопросы бывшего холостяка капитана Босяк были решены одним махом. Босяк переселился с частной квартиры в комнату, выделенную бывшему заместителю командира полка по политической части. И жили они долго и счастливо. Уже через три года у Жорки Босяка было двое деток, и планировался третий. И ходили о их любви добрые сплетни далеко за пределами Рейхстага. Им завидовали.

Строевая

Строевая подготовка военнослужащих являлась во всех армиях и во все времена определяющей дисциплиной для сколачивания подразделений и частей в единое целое и обеспечивала военнослужащим и командованию строгое и четкое выполнение приказаний старшего начальника и его команд. Строевой устав всегда был важен наравне с Уставом внутренней службы, которые в совокупности обеспечивали в частях тот порядок, без которого невозможно существование Армии.

Это положение оставалось основополагающим на протяжении всего существования Вооруженных сил Советского Союза, не изменились требования этих уставов и сегодня, во времена автоматизации и компьютеризации всех родов войск. И моряки, и мотострелковые части, и десантники, и военнослужащие ракетных войск прежде, чем осваивать основные положения своей военной специальности изучают Устав внутренней службы и Строевой устав, как теоретически, так и на практике. Каждый солдат и старший начальник должны знать правила своего поведения, уметь повернуться, подойти и обратиться к старшему командиру, действовать в строю, выполнять команды. И только после того, как он, молодой военный, освоит программу «Молодого бойца» его допускают к изучению боевой техники и его военной специальности. Навыки, полученные при изучении предварительного курса, остаются действительными и обязательными на весь срок службы в армии.

На базе кадрированного полка был создан учебный центр по подготовке молодых солдат к службе. В составе ограниченных контингентов войск в странах тогдашнего социалистического лагеря – Германии, Польше, Венгрии, Чехословакии, где наши вооруженные силы являлись гарантом революционного порядка и предоставляли возможность этим странам на относительно стабильное развитие, без всякого беспокойства за сохранность своих границ, и посягательств на внутреннюю политику и ничем не оправданное содержание большой армии. Это давало возможность этим странам развиваться экономически и социально с огромным опережением своего куратора-СССР, являвшегося гарантом политического и экономического спокойствия. И они, за малым исключением, развивались успешно.

В конце мая 1956 года, сразу после амнистии, объявленной Указом Президиума Верховного совета СССР ряду уголовных преступников и политических заключенных (сюда следует отнести бандеровцев, которых судили не по политическим статьям, а по уголовным), они не служили в армии и не имели военных специальностей пришлось призываться на трехмесячные сборы и получать такую специальность. Кадрированные части были использованы для такой подготовки, большой потенциал офицеров и сержантов применился для организации учебных пунктов, призванных к быстрому и качественному обучению уже взрослых, а, иногда и очень взрослых мужчин, чтобы они были приписаны к военкоматам по полученным военно-учетным специальностям. Мобилизационная готовность касается всего общества, тем более, что быстро приближалось время, когда количество парней призывного возраста резко сократится в связи с сокращением рождаемости в период Великой отечественной войны. До той поры оставалось три года, и об этом надо было думать, и Организационно мобилизационное управление Министерства обороны знало об этом и принимало меры.

Мой взвод состоял из пятидесяти бывших бандеровцев, и нас, офицеров, предупреждали, что это люди, которые убивали партийных и советских работников, совершали акты саботажа и неповиновения, пришедшей на смену фашистской оккупации Советской власти. Что с ними будет чрезвычайно трудно и в обучении, и в командовании ими, хотя это люди, которые все имеют специальность шоферов, и их научить управлению танком, его устройству и обслуживанию будет относительно не сложно. Так комплектовались все учебные команды амнистированных, по гражданским профессиям, что имело свои бесспорные положительные качества. Я

должен был обо всех проявлениях, в том числе и в разговорах, враждебности по отношению к советской власти или идеологии докладывать немедленно уполномоченному особому отделу. Но эти люди за восемь-десять лет в лагерях получили такое воспитание и закалку в воздержании от пустословия, что за три месяца ни одного слова, направленного против политики партии никто не услышал.

Проводились политические занятия, (У Куприна этот предмет солдатского образования назывался «Словесность»), изучались основные положения истории ВКП (б), внешней и внутренней политики текущего времени, и, стоит отметить довольно прилежное изучение этого предмета, не исключая, что определенные моменты вызвали между некоторыми из них споры, но явной враждебности или желания поставить под сомнение положений политики партии заметить было невозможно, хотя, иногда, на их лицах появлялись скептические улыбки. Наша задача была, чтобы обучаемые прониклись идеями Коммунистической партии, как минимум, и для этого в наши подразделения были направлены лучшие силы политработников полка. Успехи, конечно, были невелики, уж очень много времени они впитывали другую идеологию. Хотя на вопросы политработников все солдаты отвечали, как требовалось, что давало право каждому «политрабочему» думать о достигнутом большом успехе в перевоспитании бывших врагов.

Многочисленные инструктажи и предупреждения политработников и особого отдела были не по адресу. Солдаты, которым было близко к сорока годам, оказались очень дисциплинированными, серьезно относились к уставам и изучению материальной части танка, с большим удовольствием водили боевые машины, лихо преодолевали препятствия, а в перерывах между занятиями самозабвенно пели, пели украинские народные песни, современные хоровые и эстрадные песни, старинные русские. Надо сказать, что за время ссылки они выучили русский язык отлично, и между собой изъяснялись на русском, хотя, забываясь, в свободные минуты, в казарме, или в курилке, переходили на украинский, их тогда было интересно слушать, ведь западно-украинский диалект изобилует польскими и венгерскими словами, которые, подчас, и непонятны восточному украинцу.

Песня этой команде была большим подспорьем в освоении науки строя. И они с видимым удовольствием ходили строем, им было не привыкать. Пришлось лишь под это, полученное в лагерях умение, подвести основные положения Строевого устава. Проводились занятия по одиночной строевой подготовке на строевом плацу, и эта наука далась им во много раз легче, чем солдатам молодым, не понимающим и не чувствующим коллективной работы, хоровой песни, людям, которые еще не знают, что такое друг за друга, взаимная выручка.

Строевой плац был на территории стадиона, у входа в городок, вокруг строевого плаца выселись дома офицерского состава. Игровое поле и гаревая дорожка были общепринятыми, а остальная территория стадиона заасфальтирована и распределена между частями. Каждая часть занималась в границах, для нее определенных. Наш полк имел учебную зону, близкую к проходной и магазину. Одиночная подготовка интереса не представляла, но каждое занятие заканчивалось прохождением колонны перед трибуной с исполнением песни. В это время, когда пели «Хохлы» останавливались занятия на других участках стадиона. Все слушали. И каждый раз пелась другая песня. Репертуар был очень разнообразным и нескончаемым. Офицерские жены выходили из своих квартир и ожидали у ограды стадиона, когда будет петь взвод «хохлов». Это повторялось ежедневно, в одно и то же время, по расписанию занятий. И каждый раз собирались зрители. Видно велика была у этих людей тоска по утерянному былому, желание слиться в песенном многоголосье в неповторимую гамму, никогда уже не возвратную радость, неизвестно, какой мечты. И звучали на всю Лысую гору.

Командир дивизии, однажды услышав, приказал командиру полка собрать у себя на совещание командиров батальонов и рот всех полков, выработать программу методик проведения занятий по строевой подготовке, и показать, как можно овладеть наукой строя за полтора

месяца военнотружущими временного призыва. На этом совещании он сказал, что так должны петь все подразделения дивизии. Но ТАК уже никто и никогда не пел.

До Бердичева из любой точки Западной Украины поездом можно добраться менее, чем за сутки, билеты железнодорожные были необременительно дешевы, и через месяц начали появляться жены с детьми, во первых, чтобы посмотреть на отца семейства, как на «совета», а во вторых, как на «жовнежа», в военной форме. «Советами» на всей территории западной Украины называли всех, кто пришел к ним с восточной части республики, а также военнотружущих. А «жовнеж» – польское наименование солдата. В выходные дни гарнизонный фотограф делал за один день такое количество фотографий солдат временного призыва с женами и детьми, что не успевал эти фотографии за неделю обработать.

В те поры выходной день в СССР был один, только в воскресенье. В эти дни вокруг стадиона и на его территории собирались жены и дети этих пожилых солдат, беседовали, угощались домашними гостинцами, и все ждали построения на обед, прямо на стадионе, под командой одного из сержантов и финальной песни отцов и мужей в строю. Жены плакали. После обязательного обеда еще пару часов продолжались семейные встречи. К вечеру жены уезжали, а их мужья продолжали службу и учебу на благо вновь обретенной Родины.

К исходу третьего месяца все приняли военную присягу, получили военные билеты, сдали зачеты по программе механиков водителей. Не знаю, как в других взводах, но я со своими солдатами, несмотря на то, что они все были старше меня, сроднился и прощался с ними не без грусти. Отдельные шероховатости и мелкие недочеты забылись, и если бы пришлось идти в бой, в любом качестве, я бы предпочел этих солдат любым другим.

Молодое пополнение солдат поступило из южных областей России и Украины в обычные сроки, к концу лета, и предназначались для подготовки к службе в группе Советских войск в Германской Демократической республике. Парни были как на подбор, хорошо развитые, все со средним образованием, закончившие техникумы, десятилетку или профтехучилища по различным специальностям. Многие небольшое время поработали на промышленных предприятиях по обработке металлов, на строительстве и ремонте кораблей, в городе Николаеве, некоторые после автошкол для сельской местности или спец автошкол, предназначенных для армии. Учебные взвода были большими, по шестьдесят человек, в каждом взводе два отделения. Сержанты взяты из штатных мотострелковых рот, у меня был помощник командира взвода Аникеев, старший сержант и два земляка-татарина из Казани сержанты командиры отделений Гайфуллин и Мирсагатов. Все трое были очень надежными помощниками. Взвод входил в состав одной из трех рот трехвзводного состава. В каждой роте были образованы комсомольские организации, подразделения, которым предстояло работать, учиться служить и переносить трудности первого периода воинской службы были сформированы по всем правилам классического подразделения того времени. И эта работа проводилась сразу с прибытием эшелона, люди были построены прямо в прирельсовой зоне, разбиты по ротам, взводам, в это время прибыли полевые кухни с полным обедом, после кормежки в пешем строю, еще не в ногу, но, простительно, еще в гражданской одежде, три роты по сто восемьдесят человек, направились в баню, где помывка, санобработка и переодевание длились до глубокой ночи, но ужинали и оборудовали свои двухэтажные койки в казармах уже в форме. Перед сном их долго сержанты учили намазывать портянки, подшивать воротнички гимнастерок, крепить звездочки на пилотке, чистить пуговицы со специальным приспособлением при помощи маленькой щетки и пасты, которая называлась «Асидол». Сейчас уже пуговицы анодированные, чистки не требуют, а в те далекие времена окислялись, были латунные, а должны были блестеть, по меткому выражению старшего сержанта Аникеева «как у кота яйца».

Уложили спать вновь испеченных солдат далеко за полночь, многим достались вторые этажи коек, они опасались, что упадут, но спали с дороги и большого напряжения последнего

дня крепко, и большинству не хотелось в семь часов вставать, не привыкли но, наконец, их сводили в туалет, умыли и построили. Природа человека обременена огромным количеством условностей, простейшие вещи кажутся невероятными, обыкновенные человеческие надобности постыдными, функции организма в присутствии посторонних невозможными. Так оно случается каждый раз, когда даже лица единого пола попадают в условия общности, коллектива. Элементарно сходить в уличный солдатский туалет, когда бок-о-бок стоят и справляют малую нужду в один наклонный лоток двадцать человек, не у каждого получается. У людей воспитание разное. Общественная жизнь становится возможной очень не сразу. Во всяком случае, об этом никогда не говорят, но даже таким мелочам приходится молодого человека учить. Не говоря уже о всех элементах физической и физиологической жизни.

По сигналу «подъем», бывшие еще вчера мамини сыночки, не всегда могут сразу встать и строем бежать в уличный туалет. И строем на физическую зарядку, и строем, под командой старшины, или другого сержанта, в казарму, умыться и почистить зубы, бриться, строем в столовую принимать пищу, и укладываться во время, отведенное уставом на обед, все это предметы обучения, которые забирают много времени и нервов, как у обучаемых, так и у обучающихся. В те времена в распорядке дня военнослужащего срочной службы был послеобеденный отдых. Полтора часа все должны были «отдыхать лежа, спать» это было обусловлено, скорее медицинскими показаниями. После войны организмы молодых людей, побывавших в условиях голодной России и республик, были значительно ослаблены. Всем этим премудростям предстояло научить и этой науке ежедневно следовать вновь созданным подразделениям молодых солдат.

Утром сержанты поднимались на пятнадцать минут раньше, наводили порядок на своих спальных местах, и к подъему были готовы командовать своими отделениями. Ни один молодой солдат не оставался без внимания.

С окончанием завтрака начинались занятия по курсу молодого бойца. В расписании это была строевая подготовка. Потом уставы, опять-таки строевой, Внутренней службы, Гарнизонной и караульной службы, Наставления, по вторникам и пятницам два часа политической подготовки, материальная часть оружия, огневая, физическая, по специальной программе.

Строевая была во главе всего, не считая политзанятий, которые должны были убедить солдата в ни с чем не сравненной любви к своему государству, народу, Советскому правительству и Коммунистической партии, в особенности. Строевая начиналась с одиночной, которая учила всему, азам, от постановки ноги при ходьбе и до поворотов на месте и в движении, обязанностям солдата перед построением и в строю. Оказалось, что в освоении строя молодые призывники значительно слабее и усвоение приемов строевой подготовки у них идет более сложно. Но нет таких сложностей, которые не преодолели бы замечательные сержанты Гайфуллин и Мирсагатов. Тренировали они мальчиков, только что призванных, с каким-то упоением, будто бы соревнуясь. И каждый старался показать другому, и сержантам других взводов и рот мастерство своих подопечных. Понемногу в эти соревнования втянулись и сами новобранцы и лихо вышагивали в строю выполняя распевные команды своих командиров.

Основные приемы строя, таким образом, были освоены недели за три, на приемы строя с оружием ушло значительно меньше времени. Подготовка молодежи продолжалась.

Вооруженные силы были одеты в кирзовые сапоги и хлопчатобумажные гимнастерку и бриджи, подобные тем, которые носили солдаты много лет в России. В нашем случае новобранцам выдали сапоги с юфтевыми (не кирзовыми) голенищами, что было явным доказательством того, что их по окончании срока обучения и приема присяги направят для дальнейшего прохождения срочной трехлетней службы за пределы Советского союза.

Один солдат писал в письме на родину: «... одели нас в говяжьи сапоги и гоняют, как соленых зайцев». Но цензура была, и это письмо не вышло за пределы дивизии. Над этой фразой посмеивались три близко лежащие полка. А их, действительно, готовили к службе в группе

советских войск в Германии. Со всем составом молодого пополнения срочно были проведены занятия по вопросам секретности отдельных военных сведений.

Настал день, когда принялись за сколачивание отделений в состав взвода, роты. Здесь занятия по строевой подготовке вели офицеры взводов, а на заключительном этапе – командиры рот.

Никогда строевая подготовка солдат в Русской армии не обходилась без разучивания и исполнения строевой песни. Их великое множество, и свою любимую определяет каждое подразделение в зависимости от пристрастий команды и сержантов. Любимая песня и звучит громче и исполняется задорнее. Не обходится во многих солдатских коллективах и без фольклора, и эти песни остаются в памяти частей и подразделений очень надолго. На мотив и тематику сочиненной этим призывом песни мне удалось услышать уже переделанную, с лагерно-тюремным акцентом, через, без малого, пятьдесят лет. Эта строевая готовилась и репетировалась в тайне от меня, и, однажды, во время пешего перехода на стрелковый полигон они мне ее спели в полном тексте.

Ты хочешь знать, как мы без вас здесь служим,
И все о вас здесь плачем, ноем тужим.

Привет из танковых частей, от всех товарищей друзей,
Целую крепко, крепко, твой Андрей.

Ну, вот, вчера, когда мы крепко спали,
Сержант Гайфуллин и Мирсагатов встали.

Припев... Привет...

Они помылись, и коечки убрали,
И «взвод, подъем» совместно закричали.

Припев...

А мы во сне красивых вас не досмотрели,
В сапог не попадали, с портянками пыхтели.

Припев...

Как стадо дикое на построенье мчались,
И строем в туалет, так чуть не обосрались.

Припев...

На стадионе руками и ногами машем
До поту, как товарищи учили наши.

Припев...

Бегом в казарму, и туалет и бриться
Чтоб чистым быть, когда идти учиться.

Припев...

И так весь день, до самой темной ночи,
Что вспомнить вас у нас уже нет мочи.

Припев...

А вот, вчера, мы чистили картошку
За то, что без команды взяли ложки.

Припев...

Как в понедельник, гороху мы поели
До четверга ходили мы и бздели.

Припев...

И засыпая, о вас не вспоминаем,
Так наебемся мы, что сразу засыпаем.

Припев...

К подъему сон мы видим в свою руку
Когда вы голенькие разгоните нам скуку.

Припев...

Да нам не скучно, глупый и бездельник,
Скучает кто, не любит понедельник.

Припев...

На них управы нет, и нет на них сержанта
Чтоб знали, как, растрчивать таланты.

Припев...

Любите Родину, и строй, стрельбу, уставы,
Тогда поймете, как поправить нравы.

Припев...

Писать кончаю, целую тебя в лобик,
Люби меня, я твой Андрей и бобик.

Привет из танковых частей, от всех товарищей, друзей
Целую крепко, крепко, твой Андрей

Эта песня была бесконечной, сложно вспомнить все куплеты, в них и о распорядке дня, и о командире взвода, который не на много старше, но во сто крат опытнее. И о том, что взводный, затейник, придумал развлекательную работу-сортировку танковых снарядов, подтаскивать ящики двум офицерам вооруженцам, и оттаскивать проверенные, а каждый ящичек по весу за полсотни килограмм. Такое развлечение придумал взводный на воскресенье. Вечером в кино никто не хотел идти, сержанты тоже. Разрешили лечь спать сразу после ужина. Уснули моментально.

И сочиненная этими ребятами песня, и стиль их обращения, и глубокое понимание своего воинского долга говорят о том, что отбор для службы в частях за пределами Союза подходили серьезно. Ребята были на высоком интеллектуальном уровне. Это были солдаты, о которых стоило мечтать любому командиру. И, ведь, служили в те поры три года. Уклонялись очень немногие, разве что Москвичи... Так те испокон веков на здоровом горбу и теле всего остального государства ездили. И всегда кичились своим московским происхождением, будто это повышает их человеческие качества. Что до меня, то за сорок лет службы в Советской армии я ни одного солдата-москвича, который был бы нормальным человеком, не видел. Или они служили недалеко от мамки, или уже в те времена ловко обходили закон о всеобщей воинской обязанности. И то, и другое следует порицать.

Время подготовки по программе молодого солдата прошло быстро, приняли военную присягу, предстояло отправление к новому, теперь постоянному месту службы.

22 октября 1956 года команда в составе тысячи с не большим человек была погружена на поезд, следующий в сторону Бреста. Как ни старались солдаты, и мы провожающие офицеры, а прощание, и поездка за пределы СССР не были радостными. Это редкость, но мальчишки сбросились и подарили мне часы, «Победа», наручные, на память. Редкость для солдатских коллективов.

Среди офицеров иногда попадались уникалы, достойные пера Ильфа и Петрова. Капитан Мосамед. Илья Хаймович. Коренной житель Бердичева. Его род простирался своими корнями чуть ли не во времена основателя города старика Бердича. Командовал соседней ротой. На построение батальона перед отправкой на погрузку опоздал. К заместителю командира батальона по политической части обратился комсорг его роты с вопросом: «Куда сдавать деньги на получение права преодоления государственной границы, въездной пошлины. Деньги собраны по приказанию командира роты». И замполит, действительно поверил в версию Мосамеда и быстро пошел с комсоргом в финансовую часть. Но там ничего не знали. Не знал никто из командования полка. За исключением капитана Мосамед. Он, твердо зная, что с этими солдатами никогда не встретится, и что они сегодня уезжают, решил подзаработать. За сутки до этого всем новобранцам было выдано денежное содержание за три месяца. Немногим более десяти рублей на человека. Так по его версии за въезд на территорию Германии он мог беспрепятственно собрать по восемь рублей с каждого, а это могло значительно облегчить покупку пианино для его дочери. Перед строем он выступил с пространной речью, заклеил проклятый капитализм и его законы, по которым советскому человеку, защитнику завоеваний в Великой Отечественной Войне, и то приходится платить за право преодоления границы. Это уже из его показаний в расследовании военным дознавателем. Куда в дальнейшем делся этот аферист, были ли последствия, не помню, но солдатам деньги вернули. Весь чемоданчик, по списку, с извинениями и благовидным враньем, чтобы не позорить офицерский корпус. Вроде, нашлись эти средства и оплачены за счет государства.

В этот день я впервые в своей недолгой жизни, проводив ребят, с группой других офицеров, напился до пьяна в станционном ресторане. Пили зубровку. По пол литра на брата. Потом еще добавили. Отрывочные воспоминания о том, как я добирался пешком, через весь Бердичев, домой в район замостья, мимо крепости, через дамбу и далее. Шок был для всей семьи, мы тогда жили одной семьей с моими родителями. Дочке было три месяца.

В ночь с двадцать второго на двадцать третье восьмой танковой армии была объявлена боевая тревога. Я в то время был на штатной должности командира взвода разведки и за мной прибыл бронетранспортер БТР-40. командир бронетранспортера старший сержант Чантурия. Переросток для армии, уже двадцати шести лет от роду, до этого работал горным мастером в объединении Ростовуголь, знающий жизнь, опытный человек. Когда меня разбудили, всем сразу стало понятно, что дело не шуточное. Отец разбавил водой нашатырный спирт, пять капель на стакан воды, заставил меня выпить, чем вызвал обильную рвоту, потом заставил меня выпить еще несколько стаканов воды, желудок был основательно промыт. Голову мне смочили водой, Чантурия посадил в бронетранспортер и все десять километров давал мне нюхать нашатырный спирт. К моменту прибытия в полк я уже мог понимать происходящее и получить задачу от командира полка на ведение разведки местности на марше. Танки и бронемшины моего взвода уже были вытянуты в колонну в готовности к движению. Но экипажи в танках были не полные. Команды на марш не было до семи часов утра. В семь часов поступил приказ, начать отмотелизование рядовых запаса для пополнения экипажей, на погрузку к железнодорожным аппаратам направить только части полного состава. Мне пришлось принять караул, объединяющий караулы всех полков городка «Красная горка». Офицеры нашего полка были переведены на казарменное положение.

Около десяти часов утра меня вызвали на контрольно пропускной пункт городка, со мной приехали прощаться Родители, жена с маленькой дочкой. За остаток ночи и до десяти часов утра мама с женой сумели сшить мне подстежку под комбинезон из имевшихся у родителей бараньих шкур. Потом долго, лет пять-шесть я пользовался этим замечательным утеплением. Ватные брюки и телогрейка, которые выдавались танкистам для этой цели, были страшно неудобны, в них танкисты были очень неуклюжи. Попрошался на улице с родными и побежал исполнять свои обязанности начальника караула, надо было принять под охрану все объекты городка, а это много, за три полка и несколько отдельных батальонов.

Полк ушел на погрузку. Меня не меняли двое суток. Молодой, после такой пьянки круглосуточно бегать без сна. Но выдержал нормально. Началась мобилизация рядовых запаса. Надо было принимать, формировать, обучать.

Уже мы знали, что под руководством и при непосредственном участии Имре Надя, тогдашнего премьер министра «братской» социалистической Венгрии решили сбросить с руководства Венгерскую партию труда. На их стороне были и вооруженные силы. Первые дни бои были достаточно ожесточенные.

Стало известно, что солдаты, которых мы готовили к службе в Германии до Бреста не доехали, их завернули на Чоп (пограничная станция с Венгрией), дали в руки автоматы, и, «в атаку!». Там они в большинстве своем и погибли. Многие были ранены. Они к этому, да еще в горах не были обучены. Их подвиг не был бесславным, за это время подошли регулярные части. Они разгружались на самой границе, или, преодолев ее, и сразу шли в направлении центра Венгрии. Венгерская армия была оснащена советским оружием, а это оружие очень успешно применялось против наших войск. В особенности поразило применение наших ста миллиметровых зенитных орудий против танка Т-54. Другие пушки броню не пробивали. Стрельбу они вели прямой наводкой, старались с фланга, целились в передний боковой броневой лист, сразу после натяжного катка. Снаряд пробивал броню, выводил из строя механика водителя и попадал в топливный бак. Не всегда экипажу удавалось спастись. Бои длились с 23 октября и до 4 ноября. В результате боевых действий к власти пришел ярый противник контрреволюции и приверженец коммунистических идей Янош Кадар.

Венгерская партия труда была преобразована в Венгерскую социалистическую рабочую партию.

О последствиях и организационных мероприятиях в 41 танковой дивизии я писал ранее.

Насильники (солдатская быль)

В период проведения батальонных учений с боевой стрельбой танковый полигон положено охранять от случайного проникновения в зону стрельбы гражданского населения, транспорта и животных, которые пользовались территорией полигона, как обильным пастбищем. Все предполагаемые и возможные пути неразрешенных проникновений перекрывались парными патрулями из военнослужащих рядового состава одного из взводов.

Со стороны деревни, администрация которой была предупреждена, был установлен пост из рядовых Николая Сидоренко и Владимира Петрова.

Вдалеке, у деревни паслось небольшое стадо телят, мелькал яркий платок пастушки, проникать на территорию учений они явно не собирались. Но яркий платок для того и одевают модницы, и другие яркие одежды, чтобы привлекать внимание. Их, молодых солдат, привлекал. Нет – нет, да и посмотрят славные воины в ту сторону.

Условия несения службы патрулирования полигона не возбраняли передвигаться по территории в границах поста и вступать в разговоры с местным населением. Вот, парни и решили подойти к пастушке и поговорить, ничего больше, только поговорить. Подходят, видят, довольно милостивая на лицо девушка, и даже делает поощрительные жесты, подойдите, мол, поближе. Вежливо поздоровались. Она спросила, что они здесь делают, и хлопцы с удовольствием ей пояснили, что их задача – не допустить посторонних на военный объект. Особенно старался в своих пояснениях Сидоренко, поскольку сам был с Украины и прекрасно изъяснялся на местном диалекте. Взаимопонимание было достигнуто полностью и достаточно быстро. Владимир только поддакивал разговору своего товарища.

Уже знали, что девушку зовут Горпына, что она работает в колхозе телятницей, и что в селе молодых парней нэма.

А как же с женихами? – спросил Владимир.

– Та нэма тих жэнихив, хуч подавьсь, та й пэрэспаты ни з кым. Мэни дуже подобаеця ваш товариш, Мыкола, алэ я й йому и вам можу зараз даты, бо в мэнэ вжэ тэрпэць урвавсь (терпение лопнуло), а чоловіка дуже хочу. Якцо пидстелете свого бушлата, бо зэмля сырувата, то й нэ трэба марно гаяты час (зря терять время).

Ребята переглянулись и начали между собой совещаться. Оба были впервые близки к заветной цели, оба были девятнадцатилетними и в такой обстановке ни разу не были, а поведение девушки вызвало по меньшей мере удивление и смущение. С одной стороны, предложение прелестницы было весьма заманчивым. Мы знаем, что и более зрелые люди, с большим уровнем интеллекта не всегда могут противостоять женским чарам. А здесь молодые, еще не искушенные в контактах ребята, и такая удача...

На какое-то время здравый смысл и чувство воинского долга, и обязательства перед командиром, которого они боготворили, начали брать верх над чувством страсти и потребностью ее немедленно удовлетворить. Петров предложил сделать в их беседе небольшой перерыв, обойти территорию поста, убедиться, что нигде нет нарушений со стороны посторонних и через часок вернуться к соблазнительнице. Это предложение вызвало у Сидоренко полное понимание и поддержку, а у девушки некоторое разочарование. Уж больно хотелось сразу...

И пошли ребята проверять состояние дел на своем маршруте. До следующей въездной дороги охраняемого ими объекта, было около полутора километров, не на одну минуту движения, даже ускоренным шагом. Отойдя метров пятьсот, Николай оглянулся, и увидел, что к пастушке подошел какой-то мужчина, по всей видимости, крестьянин из той же деревни. Николай сказал Петрову:

– Правильно, что мы не стали сразу гратыся (играться), посмотри, могли быть неприятности.

– Какие могут быть неприятности, ведь она сама предлагает, конечно, неудобно, если в этот момент кто-то помешает, но, наверное, он сейчас уйдет.

Ребята уже были нацелены, и никакие другие рассуждения не могли сбить их с намеченного направления, ни действий, ни мыслей...

– А ты уже имел с бабами, ну, спал с ними, спросил у товарища Владимир.

– Было один раз, когда меня провожали в армию. Дивчина с нашего села, пришла ко мне на сеновал, я был сильно пьяный, но сразу отрезвел, мы провозились всю ночь, ты знаешь, я такого не испытывал никогда. Как побывал на небе. Говорят, что так только в раю.

– Да, а вот мне не привелось, да я и сейчас боюсь, хотя и очень хочется испытать это чувство. И себя.

– Та не бойся, побачиш (увидишь), что это очень приятно и интересно, а что она для двоих, так это ничего, сильно соскучилась, если хочешь, то будешь первым.

Они разговаривали, остановившись, чтобы закурить, сворачивали самокрутки и одновременно видели, что человек, посетивший прекрасную пастушку, от нее удалялся. Вскоре он исчез из поля зрения.

Свою охраняемую территорию патрули проверили даже тщательнее обычного, ведь им предстояло нечто чрезвычайное. Вернувшись к стаду телят, они обнаружили свою предполагаемую барышню на опушке небольшой рощицы, состоявшей из десятка деревьев. Телята мирно паслись, на траве был расстелен небольшой платок, а на нем лежало несколько «огиркив» (огурцов), стояла бутылка с молоком, на развернутой бумаге – домашний творог, нарезанный черный хлеб.

Их сразу пригласили к трапезе.

– Давайте перед тым, що мы договорылись, пэрэкусимо, жалко, ато я – б и самогону узяла та нэ знала що вас устричу.

Парни, имевшие с собой сухой паек, стали выкладывать и свои солдатские продукты, заботливо подготовленные старшиной. Расстелили бушлаты, сели вокруг снеди, дама приспособилась между парнями, да так, чтобы касаться своими пышными формами обоих. Идиллия. Взяли по куску хлеба, на него положили творог, по огурцу в другую руку. Еда была после пешеходных шаганий по пересеченной территории полигона удивительно вкусной. А мысли у наших солдатиков были одна фантастичнее другой. Горпына сидела, прислонившись к дереву и старательно приподняла юбку, обнажив ноги, почти до их окончания, где то в районе пышного зада. Ноги были правильной формы, полные, привлекательные, с точки зрения мужчин, хотя, коленки выступали красными, побитыми травами мослами, грязноваты, со следами загара на уровне постоянно носимых резиновых сапожек, и, более темного на уровне туфель или галош. Было видно, что они месили полигонную грязь и навоз в коровнике неделями, не видя воды. Наши парни, посмотрев на эти прелести, не бросились к ним, почувствовали оба некоторое охлаждение своих радужных надежд, хотя Горпына продолжала склонять их на быстрейшее вступление на дорогу страсти.

Щось вы, хлопци, дуже стиснительни, а я пидготовылась, в мэнэ вже й трусив нэма, ну, та йжитэ скориче, й давайтэ.

В этот момент она, вроде, как невзначай, забросила на сидящего рядом с ней Николая ногу и стала поглаживать его по щеке. Другой рукой она активно начала шарить в районе, где расстегиваются солдатские шаровары.

Николай, почувствовав ее настойчивость, и не питая к ней никакого влечения, пытался отстраниться от назойливой ласки красавицы. Теперь она ему показалась недостаточно привлекательной, хотя, когда они шли сюда, у ребят были более определенные планы. Владимир наблюдал за всем этим и, казалось, не оправдывал поведения ни одного, так и другой. Горпына

навалилась грудью на оробевшего Николая, он оказался под ее пышным телом, юбка ее задралась, обнажив до пояса ее мощь, ягодицы, страждущие и вздрагивающие.

Автоматы защитников отечества лежали рядом, на траве, они, конечно, были без патронов и носили лишь символический характер. Так принято было снаряжать солдат для несения службы не боевого характера.

И вот, в этот самый момент, неизвестно откуда, появляется сразу трое крестьян, две женщины и мужчина средних лет, и начинают кричать, что застали наших парней в момент изнасилования их дивчины, и что трэба срочно выкликаты председателя сельсовета. Одна баба крепко ухватила за Николая, который и не помышлял от нее вырваться. Горпына перевернулась на спину и, казалось, ждала развязки инцидента, не стесняясь и не оправляя юбок. Вторая баба все бегала вокруг и кричала:

– Ой, шо ж воны наробылы, и як же цэ воны тэбэ знасильнычылы, та ще удвох, и що ж тэпэр робыты, и як мы будэмо людям у очи дывытыся...

Мужик вступил в борьбу с Владимиром за автоматы. Он непременно пытался ими завладеть. Владимир, захватив оба автомата, один забросил за плечо, а у второго передернул затвор и закричал не своим голосом:

– Стой, стрелять буду. Отпустите, что вы держите солдата, он ничего вам не сделал.

Вмешалась Горпына:

Воны ще ничего нэ зробылы, вы уси нам помишалы, трэба було трохы пизнише прыбигты.

Мужик, который стоял в атакующем положении, только и сказал:

– Замовчы, дура.

Николая отпустили, ему Владимир передал его автомат. Начались мирные переговоры.

Нападающая сторона, по всей вероятности, была предупреждена Горпыной и выработала план действий. А действия их были стремительны, но мало успешны. Селянами выставлялись обвинения в изнасиловании и требования немедленно идти в сельсовет и зарегистрировать брак между Николаем и Горпыной, в противном случае они обратятся в суд и командованию части.

Парни были, конечно, обескуражены таким оборотом дела, хотя и прекрасно понимали, что все подстроено, налицо был стовор родственников Горпыны, которые решили таким способом устроить будущее своей недоразвитой в умственном и социальном плане дочери и племянницы. Наглый шантаж был налицо. Солдаты в разговоре вели себя достаточно сдержанно и старались избежать скандала, но скандал разрастался, как снежный ком. Заранее они видно, послали за председателем сельсовета, собиралась толпа, кто то, уже съездил на батальонный командный пункт, находившийся километрах в двух, и оттуда прибыл заместитель командира батальона по политической части. Майор Гаспарян.

На посту солдат заменили другими, и над неудавшимися любовниками нависла угроза длительного разбирательства и следствия. Был назначен военный дознаватель, и по его настоянию была проведена медицинская экспертиза всем участникам происшествия, в том числе и Горпыне.

Вынесено определение, что военнослужащими срочной службы рядовыми Петровым и Сидоренко грубо нарушены ст. ст. такие-то караульной и постовой службы, предполагаемая попытка изнасилования не подтверждается, и вышепоименованные военнослужащие на усмотрение командира части подлежат преданию суду Военного трибунала. Находясь под следствием, они находились на гарнизонной гауптвахте.

Военный дознаватель передал уже практически готовое дело в следственный отдел Военной прокуратуры. Был назначен суд, солдаты обвинялись по двум статьям. По грубому нарушению устава гарнизонной и караульной службы и по попытке изнасилования с применением

оружия, как настаивали заявители, родственники Горпыны. Ее, очевидно, заставили написать заявление. Показания ее были противоречивы и не обещали успеха.

Показательный суд проходил в одно из воскресений в клубе 64 танкового полка.

По второму пункту обвинения выступали сама истица – Горпына, и «свидки», – свидетели, жители деревни, прибежавшие к ней на «выручку».

На вопрос председателя суда к истице, как было дело, она держала заученную речь:

– Ото, колы я пасла тэлят, до мэнэ пидийшылы ци солдаты и спыталы, що я тут роблю, бо будуть стреляты. Я йим сказала, що туды, дэ стреляють я тэлят нэ погоню, тоди воны мэни сказалы, що усэ ривно воны мэнэ знасильнычають. А я кажу, а чого мэнэ насильнычаты, я й сама вам обом дам. Алэ одын пид мэнэ бушлата пидстыляе, а другий пид рэбра автоматом штупурляе, та кажуть, «лягай», та я й лягла, и до мэнэ прыступывся той Мыкола. Чую, бижить дядько Опанас, з обома мойимы титкамы, и пиднялы галас. Та й усэ.

– Скажите, пожалуйста, вы до контакта с подсудимым были девушкой?

– А як же дивчиною.

– Я попроще у Вас спрощу, у Вас были близкие отношения с мужчинами, вы с мужчинами спали?

– З мужчинамы в мэнэ блызькых отношениев нэ було, алэ з солдатамы – ще скількы! Був у мэнэ грузын, Казбэком звалы, з таким вэлыкым носом. То вин прибижыть до мэнэ у самоволку, як встрымыть з вэчора, то до самого ранку нэ выймае. Я инколы, нароботаюсь, та вжэ выплюся пид ным, а вин усэ шуруе. Та цэ давно було, з рик тому. Як дембализувався, то казав, що прыйидэ. Алэ якцо хтось з цых хлопцив на мэни жэныться, то хай йих ужэ нэ судять.

Допрос свидетелей показал, что инсценировка изнасилования безнадежно провалилась. А дядько Опанас вообще отказался от своих показаний.

Результаты медицинской экспертизы показали, что полового контакта у заявительницы с ответчиками не происходило.

Далее был перерыв в слушании дела, полк отсмеялся, многим места не хватило в зале, поприсутствовать стремились солдаты других частей. Показания свидетелей передавались через широко распахнутые двери клуба, как веселый анекдот. После обеда слушался вопрос о нарушении караульной службы, уже без участия посторонних. Вопрос носил чисто военный характер.

По результатам слушания второго вопроса был вынесен приговор.

– обвинение об изнасиловании не подтвердилось.

– За грубое нарушение Устава гарнизонной и караульной службы, отклонение от маршрута охраняемой зоны и прекращение выполнения своих служебных обязанностей на время общения с гражданкой Игнатюк Горпыной, каждый из обвиняемых получил два года дисциплинарного батальона.

Горпыне выйти замуж не удалось. Пострадавшими в этой истории были солдаты, рядовые Сидоренко и Петров, хотя, и не очень расстроились по всему тому. Мудрый замполит в офицерском кругу резюмировал: «Это страсть». Через год, за хорошее поведение и успешную учебу в дисциплинарном батальоне они оба вернулись в часть дослуживать положенный срок. Воинские уставы декламировали наизусть.

Марченко и Хмызов

Клоуны, в экстремальных условиях, это наиболее ценные люди для придания любому коллективу его жизнеспособности. Армия – это сплошной стресс на весь период службы. Лица, способные к эксцентризму, ерничеству, шутке, розыгрышу, зачастую сами не очень веселые люди, но окружающим кажется, что они очень беззаботны и жизнерадостны. Так, в цирках, говорят, что коверные – клоуны в жизни являются угрюмыми пессимистами.

Там, где находится Наводчик орудия Николай Хмызов и его заряжающий Саша Марченко всегда смех и веселье, побуждающее шутить и слегка расслабляться и других солдат подразделения.

Оба они являли собой, во всех отношениях, большущий контраст по уровню развития и мировоззрениям, не говоря уже о физическом состоянии.

Хмызов – из Ростовских беспризорников, призван сразу по окончании ФЗО, не имел на момент службы ни отца, ни матери, погибших во время войны, не знал своих близких, и основной наукой, которую он прошел, было: «обмануть ближнего своего, ибо ближний обманет тебя и возрадуется тому». С какими потугами он сумел окончить семь классов школы и получить квалификацию тракториста – одному богу известно. И, несмотря на такую, казалось, малопривлекательную философию, он, по своей природе, все таки был преданным товарищем, не отлынивал от работы, несмотря на далеко не богатырское телосложение. Правда, жилистый и работоспособный, роста среднего. Он не оставлял без насмешки никого, а, в особенности, ближайшего сподвижника по танковому экипажу – Сашу Марченко. Саша все шутки товарища воспринимал за чистую истину, и эту истину пытался постичь, хотя, это всегда было выше его разума и развития.

Саша был совершенно неграмотным человеком, родом из глухой западноукраинской деревни, уделом его роста и взросления были только тяжелый крестьянский труд и совершенное отсутствие других жизненных целей и обстоятельств. Не было у них в селе школы, ни в польские ни в советские времена. Да и потребности в школе для вспашки земли на лошадиной или воловьей тяге, выпаса скота и работы по домашнему хозяйству не чувствовалось. Силы физической Саша был необыкновенной. Экипаж без такого Саши был бы не способен выполнять работу по обслуживанию танка. Любая танковая деталь тяжелого танка, будь то надрадаторный броневой лист, гусеничная лента, троса и другая оснастка, весили сотни килограммов. Был случай, когда экипаж работал по обслуживанию орудия, Саша взялся за трос, перекинул его через ленивец, и стал вручную натягивать двухтонную гусеницу танка ИС (Иосиф Сталин), и уже с половину работы выполнил, когда к нему на помощь подоспел остальной экипаж. Потом, когда гусеница, при незаведенном танке, заходит в зацепление с ведущим колесом, или, хотя бы не колесо наброшен трос, тогда можно натяжку производить при помощи двигателя, запустив его.

При всей своей физической силе и выносливости Саша отличался большим терпением и добродушием. Не было случая, чтобы он возмутился или бурно отреагировал на шутку товарищей. А шутили над ним постоянно.

Еще со времен Великой отечественной войны в воинских коллективах сложилась традиция при братании обмениваться (махнем не глядя) часами, табакерками, огнивами и другими нехитрыми солдатскими пожитками. Хмызов, однажды:

- Саш, давай махнэмось часами.
- Давай, махнэмось.
- Махнулись. Через некоторое время Марченко обращается к Хмызову:
- Мыкола, а чога цэ мойи часы клацалы, а твойи нэ клацають?
- Так ты йих накруты, воны и заклацають.

- Та я йих накрутив, а воны все ривно нэ клацають.
- Так ты зипсував мойи часы, то воны инее клацають. Пэрэкрутив.
- Нэ можэ быть. Ты дывысь, яки воны тэнтитни (нежные)
- Добрэ. Виддасы мэни в получку пивсотни, та махнэмось назад.
- А сколько цэ пивсотни, сто рублв?
- Ну, да, сто рублив.
- То добрэ, у получку виддам та махнэмлсь назад.

В те времена члены танковых экипажей получали достаточное денежное довольствие, чтобы купить за пару месяцев модные тогда и единственные Советские наручные часы «Победа»

И на этом, может быть и закончилось бы это надувательство, если бы не командир взвода, который знал, что Хмызовские часы уже побывали у трех – четырех «махальщиков» и каждый раз это вызывало бурю возмущения у обманутых. Хмызова заставили вернуть Саше часы, разъяснив, что наивность не стоит коварности, да еще близкого сослуживца. Так воспитывались чувства лучшие.

Во время стрельбы штатным снарядам с коротких остановок Саша зарядил пушку, и докладывает: «Готово, готово, (выстрела нет), та туды твою мать, готово, кажу!». Он в горячке не заметил, что у него ларингофоны не подтянуты, и, естественно, звука в наушниках нет. Так он в танке сумел пробраться к наводчику и доложить о готовности орудия жестами. Выстрел, попадание с первого снаряда, уложились во время. Отлично. Было известно, что если Саша зарядил пушку с отдельными снарядами – гильзой, то разрядить или экстрагировать снаряд нет никакой возможности. При его силе, он так швырял в ствол сорокавосемькилограммовый снаряд, что он врезался в нарезы на всю глубину своего корпуса. Потом – гильза, отдельно. Гильзу вытащить при помощи затвора еще можно, а снаряд – только выстрелом. Такой был уникальный заряжающий и хорошо натренирован.

Вспоминался случай, когда во время первой своей самостоятельной с Хмызовым стрельбы, когда выехали на огневой рубеж, Саша надышался пороховых газов, забыл включить вытяжной вентилятор и освещение, запутался в экстрагированных гильзах, валявшихся на полу, и не смог зарядить последний снаряд. Выстрела не произвели, цель не была поражена, экипаж получил двойку, а Саша месяца два боялся, что экипаж откажется с ним работать, и все старался показать лучший результат на тренировках. Даже когда объявлялся перерыв, все отдыхали, курили, Саша продолжал себя тренировать и достиг натренированности, близкой с автоматизмом, время показывал удивительное. Экипаж ценил Сашу, и все старались в обиду его не давать. Служили, ведь, единой семьей три года. Пошутить беззлобно могли. Этой участи в армии еще никто не избежал.

Разговор между Николаем и Сашей в перерыве между занятиями и построением на обед.

- Саш, а ты, часом, не женатый?
- А якже, жонатый, у нас в висимнадцять рокив у сэли всех женять. Бо молоди – дурни, а як женяться, то оброзумляться.

Это поверие в украинских деревнях было: «Женьця – оброзумьтсья».

- Слухай! А ты свою жинку Йибав?
- Не. Нэ йибав.
- Як же так?
- Та, колы свадьба булла, то повна хата людэй, вроди нэвдобно, а потим, то я нароботаюсь та нэ хочу, то вона нароботається, та нэ хоче, та так я ййии й нэ йибав. А потим в гармию призвалы.
- Саш, а з кым жэ твоя жинка живэ?
- Як, з кым? З батьком, з мойим.
- А маты дэ твоя?

– А мамо вмэрлы.

– А скількы ж твоему батькови рокив?

– Та сорок чотыры.

– Ха! Так твий батько там твою жинку йибэ.

– Нэ можэ быть!

– Як жэ цэ нэ можэ быть, батькови сорок чотыры, у твоейи жинкы чоловика нэма, и батькови трэба, и йий трэба, то вин йийи и йибэ.

Разговор закончился командой старшины строиться на обед и Сашиним унынием и тяжкими раздумьями. Ребята из роты посмеялись над этим диалогом, и забыли. Но Саша не забыл. Размышлял.

Идут политические занятия по животрепещущей теме. «Девятнадцатый съезд ВКПб и переименование ВКПб в КПСС». Эта важная тема разбиралась на всех политических занятиях сразу по ее возникновению, в 1956 году. Ведущий политические занятия, командир взвода, закончил рассказ по теме, и спрашивает: «Вопросы есть?». И Саша Марченко, который никогда ни по одному теоретическому предмету не имел вопросов, с места провозглашает: «В мэнэ е!»

– Слушаю, тебя.

– От мэни кажеця, товариш старший лейтенант, що, колы мий батько там мою жинку йибэ, то хай, всэ ж такы родыч.

Это умозаключение, плод многодневных его раздумий и сомнений, Саша вынес на суд товарищей и руководителя политических занятий, чтобы снять все сомнения со своей души и убедиться в правильности жизненных процессов. Участники занятий долго не могли успокоиться, настолько Саша задал вопрос по теме и к месту.

Надо было успокоить парня, разъяснить основные принципы построения общества, начиная с ее первичной ячейки – семьи. Все это довести до аудитории доступными выражениями, доступным языком.

Шутки солдат по этой тематике продолжались до окончания срочной службы Саши и до отъезда его на родину. Правда, шутки были незлобливы.

Служба наших героев продолжалась, стойко переносились тяготы и лишения солдатской жизни. В те поры не было такого понятия, как «дедовщина», а молодые солдаты оберегались старшими от посягательств на их человеческое достоинство. Существовало понятие гордости за свое подразделение, за своего командира.

Однажды, во время инспекторской проверки, Саше попался теоретический вопрос по теории стрельбы, так Хмызов вызвался отвечать, доложив: «рядовой Марченко». Все присутствовали, все поняли, а Саша порывался оспорить право ответа, хотя, о теме не имел ни малейшего понятия, и только вмешательство командира роты отвело подразделение от разоблачения. Очковитательство было у Хмызова воспитано жизнью беспризорника, фэзэушника, детдомовца. И изменить его идеологию за три года так и не удалось.

Хмызов был талантливый баянист – самоучка. Играл по слуху любую услышанную мелодию, и это создавало вокруг него ореол незаменимого в роте человека, способного объединять вокруг себя солдат, которые всегда тянутся туда, где музыка, песни, другие простейшие развлечения. Баян ему подарили во время призыва в армию в его родном детдоме. Этим баяном он длительное время развлекал своих братиков и сестричек по приюту, и там был, очевидно, не на последнем месте.

Звучал баян, вокруг Николая собирались сослуживцы и солдаты других рот. Звучали озорные частушки, солдатский фольклор, часто танцевальная музыка народов СССР, типа барыни, казачка, лезгинки, гопака и полька – краковяк. И танцевалось солдатами различных национальностей от души. Иногда удавалось растанцевать и Сашу, но он уважал из своих деревенских времен только два танца – «кадрэль» и «польку – задрыпанку», которые ему с удо-

вольствием, в качестве барышень, подтанцовывали другие солдаты, повязавшись какой – либо тряпкой, наволочкой, или платочком на манер косынки. Саша относился к танцам, как и ко всем делам, с большой ответственностью. Пыль подымалась столбом, и жаль было дежурному по роте выполнять приказ командира или старшины – строиться для того или другого мероприятия по распорядку дня.

Во время зимнего тренировочного (опытные армейские учения) преодоления водной преграды по дну Гаркушина моря танк старшего лейтенанта Чанова потянуло назад, в озеро, двигатель, ранее заглухший, повернулся в обратную сторону, дизельные газы заполнили боевое отделение. Это было определено уже потом, во время расследования, а, пока, всем было очевидно: танк заглух в полынье, находится подо льдом, экипаж на связь не выходит, радиостанция молчит.

Этот метод преодоления водной преграды только начинали применять, зимой 1955 – 1956 года еще не были разработаны четкие инструкции и методики, были несовершенны противогазы с регенерационными химическими патронами, производящими, якобы, кислород. Трубы для забора воздуха в боевое отделение и питания двигателя были двух конструкций – по диаметру люка, для аварийной эвакуации экипажа со скобами – подножками внутри, и диаметром малым, около двухсот миллиметров, только для забора воздуха. Считалось, что труба по диаметру люка – только для тренировочных заездов, чтобы экипаж, в случае непредвиденных обстоятельств мог покинуть танк. Вторая труба – для боевых действий. Так, в этом случае была использована боевая труба, и экипаж не мог покинуть танк, да и воздуха поступало в десятков раз меньше.

Учения проходили в зимний период, для труб были проделаны во льду полыньи, а для танков берега – въездные и выездные аппарели. Танк не выдержал нагрузки, запас его мощности по уже использованному пробегу не был учтен. Слабый, изношенный в других занятиях двигатель не выдержал нагрузки. Связи с экипажем не было, проникнуть в танк – значит, его затопить. Единственное решение – эвакуировать танк из глубины озера. А троса еще надо зацепить за крюки буксировочного приспособления. Водолазы и водолазные команды в сухопутных частях в те времена, еще не были предусмотрены. Первым, кто вызвался нырнуть в ледяную воду и закрепить трос был Николай Хмызов.

Один конец троса оставили на берегу, второй – на лодке со спасателями. Лодка десантная, надувная. На берегу – Хмызов, в тулупе, без одежды, в одних трусах и сапогах, потом он их сбросит. Лодка движется по полынье между разбитыми льдинками, достигла до места, где торчит труба, и ныряльщик с серьгой троса в руках бросается в воду. Тяжелая деталь сразу потянула его вниз, на дно. На берегу собралось большое количество начальства, ведь, учения были показательными и присутствовали командиры всех полков 8-й танковой армии, заместитель командующего, все командование 64 —го танкового полка. Все напряженно ждут появления из воды ныряльщика, а его нет уже более минуты. Всплыл. К нему бросаются саперы с лодкой, вытаскивают из воды, сразу набросили на него тулуп. В лодке находился полковой доктор, который сразу дал ему проглотить добрую порцию спирта. По прибытии парня на берег, его сразу затащили в будку летучки, там было жарко натоплено, растерли несколькими полотенцами, в четыре руки. Одели в сухую одежду. Простудных последствий не было.

А танк, тем временем, начали буксировать двумя последовательно сцепленными друг с другом тягачами – танками Т-54. Вот, показалась из воды башня, вот башня полностью над водой, дотащили танк до берега, и трос обрывается, но, на счастье, танк не покотился обратно. Немного съехал назад, но уже можно было приступить к эвакуации экипажа, придвинув в воде вплотную другой танк.

На стуки и голос они не откликнулись, люк открыли внешним ключом, все три члена экипажа были на своих штатных местах, без признаков жизни.

Их отвезли в Житомирский госпиталь, где официально была констатация смерти из-за отравления угарным газом.

А, что же Хмызов?

На следующий день подводились итоги учений, предварительные, основной разбор командованием армии был еще впереди. Все организаторы, командование полка, дивизии, да и батальона были соответственно наказаны за целый ряд нарушений по безопасности проведения подобных мероприятий.

У Чанова осталась жена с двумя детками – пяти и трех лет, а погибших с ним в танке солдат срочной службы хоронили в Бердичеве, правда, обеспечив присутствие родителей.

Хмызову присвоили звание сержанта, назначили на должность командира танка и предоставили краткосрочный отпуск с поездкой на родину – в родной детдом. С ним от командования полка были переданы подарки для детей различного возраста и благодарственное письмо на имя дирекции детдома. После его возвращения восторженный прием в детдоме был проиллюстрирован в большущей стенгазете с фотографиями. По окончании срока службы наш герой остался на сверхсрочную, в должности командира танка, и, пожалуй, это для него был лучший способ устроить личную жизнь.

А Саша после окончания срока службы уехал на Западную Украину, домой. Общественное, политическое и другие виды развития, вплоть до умения и желания читать, он получил. Сослуживцы проводили его с почетом.

Эдуард

Очень интересный человек, Эдуард Грановский. Студент – заочник одновременно трех государственных институтов. Да тогда и не было не государственных. Он не чужд ничего земного, ничего, что могло принести удовольствие, или, на худой конец, приключение. Чем бы оно ни кончилось. Приключения и сомнительные мероприятия, граничащие с аферой, были его слабостью, для участия в любом приключении. Ради приключения он готов был бросить любое дело, которым занимался в каждый данный момент. Кроме института механизации и электрификации сельского хозяйства он осваивал программу Донецкого горного института по специальности геологоразведка и грыз юридическую науку, в каком-то из Московских вузов. И каждый из институтов он заканчивал в угоду родным и близким, а сам мечтал о карьере спортивного обозревателя на радио. У него были талантливые репортажи с международных соревнований, он числился корреспондентом Московского радио, прекрасно рисовал пером и кистью, но постоянного места работы у него не наблюдалось, поскольку, как минимум, четыре месяца в году он проводил на сессиях в учебных заведениях, благо, ему удавалось лавировать во времени. В Кишинев он приезжал к началу сессии и задерживался, обычно, на неопределенное время. Его дядя в сороковые годы был министром КГБ республики, потом – министром сельского хозяйства, в пятидесятые вышел на пенсию, и по его настоянию Эдик поступил в сельхозинститут, он не мог многоуважаемому брату матери отказать, когда тот почти насильно обеспечивал его будущее, хот Эдик в этой помощи не очень нуждался. Угождал матери и дяде. Родня даже не знала и не интересовалась его делами и учебой в других вузах. Отставной министр требовал окончания именно этого института и гарантировал высокую должность в коридорах сельскохозяйственной власти, поскольку, когда в КГБ разобрались в его полнейшей неграмотности и некомпетентности, он возглавлял сельское хозяйство. В СССР была тенденция направлять в сельское хозяйство самых бездарных руководителей. Дядя был по советским временам, «номенклатурный работник», это когда человек, однажды включенный в состав номенклатуры – всегда обеспечен должностью, не зависимо от уровня квалификации и знаний. Каким бы он ни был бездарным. Нечто вроде средневековой католической «синекуры». А Эдуарду все давалось легко. Предметы первых двух курсов в горном и сельхозе совпадали, и несложно было взятием справки засчитывать марксизм или историю партии, да и математические науки, то там, то здесь. И проходило, а Эдику легче было крутиться. И жил он активной жизнью светского льва, благо, материально помогали и родители, и родственники. И сам подрабатывал то репортажами, то оформительской работой.

Его в Кишинев влекла не только учеба. Здесь жил и предмет его воздыханий и мечтаний, и он подбирался к «предмету» с настороженностью борзой, боясь спугнуть или навредить. Это была далекая родственница дяди со стороны жены, как он говорил – гений чистой красоты, но за мужем за знаменитым в молдавских спортивных кругах футболистом, благо, муж постоянно находился на играх или тренировочных сборах, что давало Эдику возможность исподволь готовить любовно – наступательную атаку, и она, атака, была к определенному времени подготовлена.

У Надежды болел ребенок, она находилась на больничном листе по уходу за ребенком, более никого дома не было. И это создало предпосылки Эдику не только присутствовать на первом часе установочных лекций и мчаться домой, навстречу своим мечтам, которые его никак не обманули. А на следующий день он просто вышел из дома, якобы в институт, и вернулся через полчаса. Уже в Надюшкину квартиру, и любовь вспыхнула с новой силой, а муж, пусть тренируется, а Эдик и Надя любят друг друга весь божий день, с перерывами для ухода за нездоровым ребенком, который, впрочем, тихо играл у себя в вольере, и был обеспечен игрушками в достатке. Мальчик был спокойный. Надо было лишь время от времени загляды-

вать к нему, сухой ли, да покормить во время. Любовница отдавалась со страстью, будто годами не имела мужчины и не прикасалась к мужскому телу. А мужчина, надо быть справедливым, был на высоте, дорвавшись, до предмета своих неоднократных ночных грез. Они могли весь день не прекращать любовных игр, и это говорило не только об их физических возможностях, но и об уникальном влечении. Так молодожены могут не останавливаться в любовных играх, так они, уже взрослые опытные люди не могли насытиться друг другом Он был женат и разведен, она третий год за мужем, но все было, как впервые.

Ребенок подозрительно быстро выздоравливал, и надо было зарывать больничный лист и выходить на работу, а не хотелось. Мальчик уже был большой, почти двух лет, бодро передвигался по комнатам, говорил отдельные слова и фразы. Во всяком случае, мог высказать желаемое.

А мама в это время познавала чувственные радости от близости с Эдиком. Эдик был неутомим, и оба они фантазировали в своей любви, не повторяясь, но и не прерываясь. Позы менялись без нарушения внедренности органа размножения, напряженность момента была не моментом, а вечностью, и хотелось, чтобы мгновение остановилось, и было таким прекрасным всегда. Так длилось и день, и два, и три, и еще...

Эдик сидел на диване, Надежда находилась на его коленях, руки любовника были на ее чувствительных грудях. А ее руки летали, то к его ягодицам, то пытались захватить как можно больше сзади себя его тела, и, не получив в руки его плоти, она вращением на члене, повернулась к нему лицом, определив свои ноги ему на плечи, и так они находились в состоянии блаженства, уже почти не шевелясь. Надежда обхватила Эдикку за шею, но постоянно поглаживала любимого то одной, то другой рукой, стараясь оставить у него как можно больше впечатления от ласки и отданности. И было уже не понятно, что – же сильнее, или счастье обладать, или величайшая радость принадлежать.

Так, или приблизительно так происходило ежедневно, матери приходилось ухитряться продлевать больничный лист дважды по трое суток. Ребенок был уже совершенно здоров.

В самый неподходящий момент, когда мама со своим партнером была в состоянии близости, к ним подошел сынок и попросил: «Хочу какава», и прерываться не было никакой возможности, и отказать ребенку нельзя. И встал новый Геракл с мамашей на причинном месте, развернул ее к себе лицом, обняв за талию, чтобы не мешали ноги, их водрузили на плечи любовника, и так они двинулись на кухню, вернее, двинулся он, неся впереди себя сложенную вдвое любимую, и не прерывая функцию любовной страсти, дошли до кухни, здесь надежда склонилась над плитой, а Эдик продолжал орудовать сзади, хорошо, мальчишка остался в комнате, дожидаясь своего какао. Факт довольно циничный, Но характеризует доминанту любви. Говорят, что в момент икрометания лягушки, ее обхватывает самец передними лапками, для совмещения икрометания с оплодотворением икры молоками, и в это время им можно отрезать задние лапки, но они не прекратят своего святого действия. У человека тоже бывает, что страсть превышает всего. Наступило время, когда им надо было искать возможности встреч вне дома, это по многим причинам могло избавить от неприятностей и домыслов остальных родственников. Хорошо, у Надежды рабочий день заканчивался в четыре часа дня, а все собирались дома к семи, и даже к восьми. Вот только Игоречка надо было забирать из яселек не позже шести вечера. Но с этим можно было устроиться, они знали, что в состоянии влюбленной ежедневной эйфории они не смогут пребывать вечно. Ведь и его сессия уже закончилась, и ее семейная жизнь не может быть остановлена, хотя в летнее время тренировки у Валентина были длительными и ежедневными, много приходилось выезжать на игры с другими командами. Это пока их выручало. Все физические силы муж оставлял на футбольном поле.

Однажды они возвращались домой поздно, были в гостях у подруги, которая жила одна, но была в юношеские годы влюблена в Валентина, и они хотели, но не рискнули с ней говорить о любезности и предоставлении им своего жилья для любовных свиданий. Это могло кон-

читься доносом, они только ее посетили, выпили по бокалу шампанского, и ушли домой, хотя уже было около полуночи. Остановились на межэтажной лестничной площадке, не прекращая целоваться, устремились к еще большей близости, прямо здесь, в темноте лестницы, и начав страстно этот акт, услышали с верхнего этажа голос мужа: «Где ты там заселась?». Валька был иудей, и его русский язык очень желал быть лучшим. И здесь пришлось быстро, испуганно и нагло говорить всякую чушь, чтобы не появилось подозрение в супружеской неверности. Вроде, с соседкой заболталась. А Эдик, тихонько перешел в другой подъезд, этого – же дома, где проживал во время своих учебных сессий у дяди.

Пришли для Валентина смутные времена, когда он был уличен в супружеской неверности, и это произошло по доносу одной из доброжелательниц, которая точно указала время и место его предстоящей любовной встречи с буфетчицей оперного театра, в подкинутом письме на имя Нади. И, для того, чтобы ему не повадно было жену подозревать и преследовать, Надежда пришла точно к назначенному сроку и убедилась в супружеской неверности своего футболиста. И, показному горю ее не было конца, и муж тысячекратно перед ней извинялся, а она призывала в свои союзники родственников, в том числе и Эдика, который, ее защищая, стал одновременно и советником в поведении Валентина. Карта ангела семейного мира была разыграна, а Эдуард стал другом и поверенным в делах мужа своей любовницы, и это принесло всем приличные выгоды. А в разговорах между Надеждой и Эдиком, конечно, они благословляли Валентина на связь с буфетчицей, и пусть это продлится сколь возможно долго, а Эдичка задержится в Кишиневе на неопределенный срок. Родным он написал бодрое письмо, якобы хочет получить максимальные возможности написать работы за следующий курс, не уезжая из Кишинева, и получил горячую поддержку, с приложением денежного перевода для безбедного существования. Средства ему нужны были только для развлечений, ведь кормился он и жил в дядиной семье, а дяде, как бывшему министру Двух министерств, неограниченно поставлялась продукция спецсовхоза, созданного для удовлетворения потребностей верхушки ЦК ВКП (б) и министров Молдавской республики. Все поставлялось по себестоимости. Этот совхоз был организован лично усилиями дяди в бытность его министром сельского хозяйства, и его с благодарностью вспоминали и в ЦК и в совхозе, который процветал, поскольку снабжался и техникой, и семенами, и удобрениями, и кормами для животных вне всяких лимитов. Планы всегда выполнялись, жестких норм поставок у совхоза не было. Так было при «справедливой Советской власти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.